

ТЕНИ АЛЬ- АНДАЛУСА

МАНСУР
ЛАДАНОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

Мансур Ладанов
Тени аль-Андалуса

«Автор»

2026

Мансур Ладанов

Тени аль-Андалуса / Мансур Ладанов — «Автор», 2026

XII век. Аль-Андалус. Абдулла ибн Юсуф, торговец из Кордовы, привозит в глухой горный христианский городок партию шафрана, мирры, пряностей и специй. Он еще не знает, но его ждет невыгодная сделка — с самим «дьяволом». Здесь все не так: шафран скупают мешками, но улицы пахнут кровью; в церкви вместо креста — кощунственный символ, сплетающий три веры, а в момент приезда торговцев пропадает молодая девушка, дочь старосты. Местные жители обвиняют в пропаже девушки мусульман. Чтобы очистить свое имя и веру, Абдулле предстоит столкнуться с тем, что хуже простого зла: с людьми, которые больше не верят ни в Бога, ни в милосердие; с сектой, для которой молитвы стали проклятиями; с тьмой, которая прячется не в подземельях, а в человеческих сердцах. И чтобы раскрыть тайну, Абдулле придется стать частью... самого зла.

© Мансур Ладанов, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Слова автора.	5
Пролог.	6
Глава 1.	9
Глава 2.	15
Глава 3.	21
Глава 4.	27
Глава 5.	32
Глава 6.	37
Глава 7.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мансур Ладанов

Тени аль-Андалуса

Слова автора.

Уважаемый читатель!

Эта история «родилась» не в одночасье. Ее страницы вобрали в себя многие размышления, бессонные ночи, моменты сомнений и озарений. И прежде, чем вы начнете это путешествие, я хочу поделиться тем, что лежит за строками.

Первое – благодарность.

Все, что создается руками человека, – лишь отражение милости Творца. Поэтому в первую очередь я воздаю хвалу Всевышнему Аллаху, Который даровал мне возможность взяться за перо, наделил терпением завершить начатое и вложил в сердце стремление рассказать эту историю. Без Его воли ни одна буква не легла бы на бумагу.

Далее – я благодарен моей супруге, чья вера в меня никогда не колебалась, даже когда моя собственная уверенность давала трещину. Спасибо за то, что ты была тем ярким светом, что звал вперед, когда я терял путь. Твоя поддержка и вдохновение – бесценны.

Я также благодарен всем, кто так или иначе соприкоснулся с этой книгой: близким, друзьям, коллегам – тем, кто читал первые наброски, задавал вопросы, делился впечатлениями или просто говорил: «Продолжай». Ваши слова стали кирпичиками в стене, за которой рос этот мир.

Второе – о книге.

Перед вами – исторический триллер, действие которого разворачивается в реальной эпохе, среди подлинных географических и культурных реалий. Вы встретите знакомые названия городов, отголоски настоящих событий, атмосферу, которая, как мне хочется верить, передает дух того времени.

Но все-таки давайте не забывать – это художественное произведение. Главные герои, ключевые события и некоторые локации (например, деревни аль-Хама и Бенальония) вымышлены. Я не ставил целью исказить историю – скорее, я попытался вплести вымысел в канву реальности так, чтобы он ощущался естественно. Если где-то границы между правдой и фантазией оказались размыты – это осознанный авторский выбор, а не ошибка.

Третье – к читателю.

Мне бы хотелось, чтобы эта книга стала для вас не просто развлечением. Я надеюсь, что после последней страницы у вас останется легкое послевкусие – вопрос, размышление, эмоция. Может быть, вы захотите узнать больше о той эпохе, в которой живут мои герои, или, наоборот, задумаетесь о том, как легко прошлое переплетается с реальностью.

Как бы то ни было – я благодарю вас. Для писателя нет большей награды, чем внимательный читатель.

Пусть Всевышний вас бережет!

С искренним уважением,

Мансур.

Пролог.

Год 558 от хиджры (1163 год от Рождества Христова).

Деревня Аль-Хама, граница Аль-Андалуса.

Тень креста, поднятого над головой одним из солдат, дрожала на земле, будто испуганная. Пожар.

Деревня горела, как жертвенный костер.

Соломенные крыши вспыхивали одна за другой, и ветер гнал огненные языки от хижин к хижине, словно сам дьявол лизал землю. Дым, густой и едкий, застилал звезды, смешиваясь с криками, лязгом металла и треском пожираемых пламенем стен. Над всем этим возвышалась мечеть – ее минарет, охваченный огнем, кренился, словно подкошенный великан, готовый рухнуть и похоронить под собой последние следы молитв.

Ансельмо – еще монах, еще Анхель, присланный обращать мосарабов¹ халифата, уходящих в ислам, в «истинную веру креста», – бежал по узкой улочке, спотыкаясь о брошенные кувшины и разбитые лампы. Его ряса, пропитанная запахом гари и крови, цеплялась за острые камни. Впереди, у горящей мечети, металась тень: люди в кольчугах с щитами, где кресты соседствовали с гербами – золотой лев Леона, родовые знаки кастильских наемников и даже волчья голова какого-то баскского вождя. Лица солдат, искаженные яростью, освещались пламенем, как лики демонов.

Один из них – высокий, с медвежьей гривой рыжих волос и шрамом через левый глаз – размахивал окровавленным топором, отдавая приказы хриплым голосом. На его плаще болтался потрепанный герб – золотой лев на алом поле.

¹ Мосарабы – от араб. «арабаизированный», андалузские христиане, проживающие на территории Пиренейского полуострова, находившегося под контролем мусульман.

– Deus vult!² – ревел он, и его люди подхватывали клич.

Ансельмо замер. Он знал этих наемников – басков и леонцев, воюющих на стороне того, кто заплатит. Их наняли для «очищения» границы, но войны не было – только резня.

– Остановитесь! – его голос, обычно тихий и кроткий, сорвался на крик. – Это же мирные люди! Это женщины! Дети!

Командир медленно повернулся. Его глаза, холодные и пустые, не согреваемые даже горящим вокруг пламенем, как лезвие ножа, скользнули по монаху.

– Мирные? – он плюнул на землю. – Они прятали оружие. А их имам призывал резать христиан.

– Ложь! – Ансельмо шагнул вперед. – Я знаю эту деревню. Их имам дал мне кров и не требовал ни от кого перехода в ислам! Их дети...

– Их дети будут гореть в аду вместе с ними, – перебил командир. – А ты, монах, либо помогаешь, либо убиваешься. Или твои проповеди сделали тебя их псом?!

За его спиной двое солдат волокли за руки старика в разорванном халате. Его борода была в крови, но он что-то шептал – может, молитву, может, проклятие.

Ансельмо сжал кулаки и рванулся вперед, но меч наемника уперся ему в грудь.

– С нами или с ними.

– Ренегадо...³ – бессильно пробормотал монах и, проводив усталым взглядом солдат со стариком, побрел в сторону. Не куда-то конкретно, а просто мимо горящих домов.

Сквозь дым он увидел лежащую женщину. Еще живую. Ее живот был вспорот, а руки сжимали сверток – тряпичную куклу. Не ребенка. Просто куклу.

– Где Ты? – монах не сразу понял, что это кричал он сам. – Где Ты, когда дети горят заживо? Где Ты, когда крест стал символом палачей?

Ответом был только гул пламени.

«Небеса молчат... – Ансельмо верил, что Божья кара должна обрушиться на зло, но сейчас зло торжествовало. – Deus vult? – пронеслось в голове. – Разве этого хочет Бог?»

Он вспомнил слова аббата: «Сомнение – дьявол у твоего уха». Но разве сейчас можно было не сомневаться?

Ансельмо шел сквозь ад.

Воздух был густым от дыма, и каждый вдох обжигал легкие, словно он вдыхал не пепел, а саму боль этого места. Под ногами хрустели обугленные ветви, разбитая глиняная посуда, а где-то впереди слышались глухие удары, крики, ржание лошадей.

Люди метались между горящих домов, как затравленные звери. Женщина в разорванном покрывале прижимала к груди узел с пожитками и бежала, не разбирая дороги, пока не споткнулась о тело, лежащее поперек тропы. Мужчина с окровавленным лицом тащил за руку ребенка – мальчик молчал, широко раскрыв глаза, будто все происходящее было страшным сном.

Ансельмо хотел кричать, чтобы остановить это безумие, но язык прилип к небу.

Запахи смешивались в удушливый кокон: сладковатый дым горящего дерева, жирный смрад шерсти и кожи, медная вонь крови, свежей и уже запекающейся на камнях. И под всем этим – терпкий аромат шафрана, рассыпанного из разграбленных лавок.

Он обернулся.

Мечети уже почти не было видно – только столб огня, вздымающийся к небу. И сквозь гул пожара доносились хриплые команды на ломаном арабском: «Ищите золото!»

Где-то совсем близко послышался тихий смех.

² Deus vult! – с лат. «Так хочет Бог!» Лозунг крестовых походов. В данном случае – просто боевой клич.

³ Renegado (Ренегадо) – отступник, предатель веры.

Ансельмо дернулся. У разрушенного колодца сидел наемник – молодой, почти мальчишка, с веснушчатым лицом. Он что-то жевал, рассеянно разглядывая окровавленный нож в руке. Рядом валялась разбитая лампа, и в луже масла отражались последние языки пламени.

– Разве не прекрасно? Все их молитвы превратились в дым! – вдруг сказал парень, заметив взгляд монаха.

Ансельмо не ответил.

Он посмотрел на свои руки – они дрожали. Не от страха. От ярости.

Внутри него что-то сломалось.

Не вера – она умерла еще у мечети. Не сердце – оно билось слишком громко. А тот последний мост, что связывал его с миром, в котором Бог был милостив.

Он поднял с земли обломок кинжала.

– Эй, монах! – крикнул наемник. – Ты чего?

Ансельмо посмотрел на него. И шагнул вперед. Он уже представил, как делает это. Все, что нужно было – шагнуть еще, приблизиться, вонзить клинок в мягкое место под челюстью, туда, где пульсирует жила. Веснушчатое лицо исказилось бы в гримасе, кровь хлынула бы теплым фонтаном, а в глазах – сначала непонимание, потом ужас.

– Бесы шепчут тебе в уши, монах! – крикнул парень с тревогой в голосе.

Ансельмо сжал свое оружие.

И вдруг...

Азан.

Чистый, высокий голос пробился сквозь грохот пожара, будто минарет все еще стоял, будто огонь не коснулся его.

«Аллаху акбар!»

Наемник вскинул голову, глаза его округлились.

– Этот что, еще живой?

Но в этот момент мечеть рухнула.

Сначала послышался треск, будто ломаются кости мира. Потом – грохот, волна горячего ветра, пепла и искр. Ансельмо упал на колени, а когда поднял голову, на месте мечети осталась лишь груда камней, из-под которых валил черный дым.

Тишина.

Даже пламя будто замерло на мгновение.

А потом...

Хохот.

Тот самый наемник, весь в пыли, тряся от смеха, тыча пальцем в руины:

– Видишь, раб креста?! Где же их Бог?

Обломок кинжала лежал на земле. Ансельмо не помнил, как выпустил его. Он поднялся. Развернулся. И пошел прочь.

Идя, словно в бреду, монах услышал голос – не Бога, не дьявола, а собственный, но чужой, словно из глубин души – из таких глубин, о которых страшно говорить: «Он молчит. Но я отвечаю».

Губы сами шевельнулись: «Pater noster...»⁴ Но слова пусты. Крест на его груди внезапно стал тяжелым, как камень. Он сорвал его, чувствуя, как цепь рвет кожу, и швырнул в огонь.

– Тогда я выбираю тебя, – прошептал он тьме.

⁴ «Pater noster...» – молитва Господня «Отче наш...». Читается и православными, и католиками.

Глава 1.

Год 581 от хиджры, месяц Шаабан (ноябрь 1185 года от Рождества Христова).

Порт Альмерши.

Альмерийский порт тонул в утреннем тумане. Дау⁵ «Аль-Амин» – некогда белоснежный, а ныне покрытый плесенью и смоляными подтеками, словно вор, подкрался к пристани. Его паруса, потертые средиземноморскими ветрами, обвисли после долгого перехода. Дождь, холодный и назойливый, превращал причал в липкое месиво из грязи, рыбьей чешуи и конского навоза.

Вонь соленой воды смешивалась с прогорклым запахом рыбьего жира, терпкой смолой, сочащейся из бортов старых лодок, и едким дымом жаровен, где на дешевом масле жарили утреннюю рыбу. На причале толпились торговцы – арабы в шерстяных халатах, евреи в темных остроконечных шапках, христиане-мосарабы, чьи кресты едва угадывались под накидками или вовсе прятались в складках одежды. Все они жадно вглядывались в палубу, где матросы уже начинали сбрасывать канаты. Крики подоспевших грузчиков перекрывались звоном монет, пересчитываемых менялами.

Один человек стоял в стороне.

Высокий, в коричнево-желтом халате, выгоревшем до цвета пыли. Его лицо, смуглое и иссеченное морщинами, оставалось неподвижным, но пальцы медленно перебирали четки из черного дерева – одна бусина, вторая, третья, словно отсчитывая секунды до прибытия груза. Он не спешил. Товар никуда не денется.

Море перед ним расстилось свинцовым полотном, тяжелым и безграничным. Осенние волны, вздымаясь, обрушивались на мол с глухим ревом, будто сам Творец в гнев швырял

⁵ Дау – арабское парусное судно.

эти водяные горы к ногам ничтожных людей. Человек невольно замер, ощущая, как холодеет в груди. Величественное, страшное, прекрасное – оно напоминало ему аят: «Среди Его знамений – плывущие по морю корабли, подобные горам»⁶.

Его взгляд скользнул к дау. «Аль-Амин» – такое же старое судно, какими были «Аль-Кадир», на котором он двадцать лет назад бежал из Тлемсена, и как «Ат-Танмийа», на котором отец в том же году ушел ко дну у берегов Альмерии. Тогда Абдулла впервые понял: море не прощает. И теперь, глядя на потрепанные борта корабля, он снова ощутил во рту тот самый металлический привкус страха – будто соленые брызги снова жгли губы.

Пальцы сами сжали четки крепче. Товар никуда не денется...

«Велик Аллах! Велик Аллах!» – прошептал он.

Абдулла вспомнил рассказы нескольких спасшихся матросов: «Твой отец... Он не должен был утонуть. Он был отличным пловцом... Но Ильяс, матрос... Его выбросило в море, когда корабль кинуло на камни. Юсуф без раздумий кинулся в воду. Он хотел спасти. Их... Их обоих прижало к борту... Мы не могли им помочь... Прости...»

Тело отца не нашли.

В горле встал ком, как двадцать лет назад.

– Пусть Аллах дарует тебе Рай, отец, – прошептал Абдулла.

Он вспомнил разговоры, которые еще несколько дней не утихали в порту.

«Штормы в сентябре... Это не просто так... В сентябре их обычно не бывает... – качая головой, говорили люди. – Не иначе, кара Аллаха! На корабле везли бумагу для христиан...»

Эхом повторились пересуды: «Бумага для христиан... Кара...»

– Как будто они не торгуют с иноверцами! – усмехнулся Абдулла. – Мой отец пытался спасти человека... И если бы я...

Мысль оборвалась. На причале что-то грохнуло. Абдулла повернул голову на звук и увидел, как тяжелый дубовый трап, брошенный матросами, ударился о камни. С корабля сошел капитан – коренастый сицилиец с лицом, напоминающим старую пергаментную карту.

– Бараат! – рявкнул он, и писарь-мальчишка бросился разворачивать свиток с описью груза.

Тюки начали выносить, а капитан стал читать документ.

– Шелк – для Якуба аль-Хасана!

– Финики – Исмаилу ибн Фараджу!

– Шафран и специи – для Абдуллы ибн Юсуфа аль-Магриби!

Человек в выгоревшем халате слегка кивнул. Его товар.

Альмохариф, толстый чиновник с масляными глазами и заплывшим лицом, наблюдал за процессом, разминая в пальцах липкий финик. Хозяин порта. Точно так же он разминал и судьбы купцов. Пальцами другой руки, унизанными серебряными перстнями, он нетерпеливо постукивал по свитку с перечнем пошлин.

– Взвесить, – бросил он, указывая на тюки со специями.

Рабы-носильщики потащили их к весам. Альмохариф поставил на весы гирю с выщербленным знаком «1 ритл»⁷, но Абдулла заметил неестественный блеск на ее дне – внутри явно залили свинец для обмана. Его губы скривились в подобие улыбки: «Харам. Но кто об этом скажет? В Кордове Исхаку-торговцу разбили голову гирей, когда он решил вступить в спор...»

Чиновник добавил еще несколько гирь побольше, и стрелка весов дрогнула.

– Перевес, – альмохариф довольно ухмыльнулся. – На два ритла.

Торговец, чей груз проверяли – тщедушный мосараб с нервным подергиванием века, – всплеснул руками:

⁶ Аят 32 суры «Аш-Шура», Коран.

⁷ Ритл – мера веса в мусульманских странах. В зависимости от региона варьировалась в пределах 450-460 г.

– Этого не может быть! В Александрии все взвешивали!

– А здесь – Альмерия, – чиновник потянулся к следующему тюку. – Может, внутри не шафран? Может у тебя там... запрещенные книги?

Торговец побледнел.

– Я... я могу объяснить...

– Объяснишь в диване⁸, – альмохариф сделал знак страже.

Но через мгновение мосараб сунул ему в руку небольшой кошель. Чиновник взвесил его на ладони, щелкнул языком и махнул рукой:

– Ошибка в записях. Следующий.

Абдулла наблюдал за этим, не двигаясь.

«Харам, – думал он, глядя на гирию с поддельным весом. – Горе обвешивающим!⁹ Но кто здесь об этом думает? Чиновник, исправно молящийся пять раз в день, крадет еще исправнее».

Он привык к подобным сценам и, чтобы не быть их участником, платил заранее. Его товар прошел проверку без вопросов. Когда он поймал взгляд альмохарифа, тот лишь усмехнулся:

– Тебе повезло сегодня, магрибиец.

Абдулла ничего не ответил. Он повернулся и пошел прочь, к своим мулам.

«Утром оскверняют мусульман своим поведением, а вечером идут в мечети, как ни в чем не бывало».

Он вспомнил старика из Тлемсена, который ругал сына за брошенный на дорогу кусок хлеба, а здесь... Грех стал так же привычен, как пыль на дороге.

За его спиной кричали люди, стучали молотки, звенели монеты.

Порт жил своей хаотичной жизнью.

Деревянные краны с грубыми лебедками, управляемые рабами, походили на гигантских журавлей и скрипели под весом тюков. Канаты, сплетенные из козьей шерсти и конопли, гудели под напряжением, а запах смолы, кипящей в медных котлах для пропитки снастей, смешивался с вонью гниющих водорослей. У самой воды, на каменных плитах, отполированных тысячами ног, толпились лодочки. Их утлые суденышки, выдолбленные из цельных стволов, качались на волнах, как скорлупки, а рыбачьи сети, развешанные на шестах для починки, шевелились на ветру, словно призраки утреннего тумана. Дальше, у глубоководных причалов, стояли дау с высокими кормами, их мачты покачивались в такт волнам. У причала для хаджиев, отплывающих в Мекку, стоял отдельный корабль, но его палуба была пуста – сезон паломничества давно кончился, а новый еще не начался.

Альмерия жила. Но Абдулле она была больше не нужна, его ждала Кордова.

Узкие улочки порта, по которым пошел магрибиец, извивались между глинобитных домов, как высохшие русла рек. Грузчики-рабы, согнувшись под тяжестью тюков, пробирались сквозь толпу, обливаясь потом, несмотря на сырой ноябрьский холод. Их босые ноги шлепали по грязи, смешанной с рыбьими потрохами и конским навозом. Двое самых сильных несли шафран Абдуллы на деревянных носилках, прикрытых промасленной кожей – даже здесь, в двухстах шагах от корабля, он не позволял драгоценному грузу отсыреть.

– Аккуратнее, иблисы! – крикнул надсмотрщик, когда один из носильщиков споткнулся о торчащий камень. – Если уроните – шкуру с вас спущу!

Они миновали кузницу, под мехами которой шипели раскаленные угли, а полуголый кузнец, покрытый копотью, вытягивал докрасна раскаленный прут; затем лавку менялы, где старик-еврей с подслеповатыми глазами щелкал счетами, а его сын, щуплый подросток, дро-

⁸ Диван – в мусульманских государствах XII века административное учреждение (канцелярия, суд, налоговое управление). Здесь: помещение портовой таможни.

⁹ Аят 1 суры «Аль-Мутаффифин», Коран.

жащими руками взвешивал на ладони серебряные монеты; груды тюков с хлопком, которые сторожил рослый нубиец, чья сине-черная кожа, покрытая белой хлопковой пылью, делала его похожим на ожившую статую.

Абдулла шел позади. Он плотнее потянул плащ, чтобы закрыться от злого морского ветра, и машинально ощупал пояс, где лежала худжра – налоговая декларация, скрепленная печатью портового чиновника. Бумага была сложена вчетверо и зашита в кожаный мешочек: «Шафран – 5 тюков, 4 ритла каждый. Мирра: 2 амфоры, вес каждой 3 ритла. Финики: 3 корзины, вес каждой 15 ритлов. Воск: 10 плиток. Пошлина уплачена: 22 дирхема серебром». До Кордовы этот клочок бумаги будет стоить дороже меча – без него любой караван-сарай может отказать в ночлеге. Таковы законы альмохадов: уплата налогов должна быть подтверждена документом, она же говорит о легальности груза.

– Сюда, – указал он на крытый двор у дальних складов, где уже ждали его мулы. Животные нетерпеливо били копытами, чувствуя скорый путь. Раб-копыеносец, присланный вперед, проверял подпруги на вьючных седлах.

Двор был тесным и шумным. Тут же стояли две потрепанные повозки, груженные амфорами с оливковым маслом; возле них, споря о чем-то, суетились крикливые торговцы-греки; в углу двора погонщики запрягали в повозку пару уставших бурых волов; в стороне ото всех группа наемников-леонцев пила вино прямо из бурдюка и кидала игральные кости на грязные камни мостовой.

Абдулла бросил презрительный взгляд на пьяных наемников. Кости – мерзкие маленькие кубики, обглоданные зубами и почерневшие от грязи, – подпрыгивали на камнях.

«Велик Аллах!» – прошептал он про себя.

Один из леонцев, заметив его взгляд, вызывающе поднял бурдюк:

– Эй, магрибиец! Поставь дирхем на удачу!

Абдулла отвернулся, словно отбросил нечистоту. В его памяти всплыли слова отца: «Тот, кто играет в кости, целует руку шайтану».

Грузчики укладывали его товар на весы для повторной проверки – Абдулла никогда не доверял портовым чиновникам. Он мельком взглянул на небо. Солнце в тумане, бледное как старый дирхем, поднялось на высоту копья. До Кордовы – три дня пути.

– Все сошлось, сайиди¹⁰, – доложил раб-бербер, сверяясь с деревянными бирками на тюках. – И даже с прибытком: в Александрии положили шафрана на полритла больше.

Абдулла кивнул. Пусть будет так.

Последний тюк аккуратно закрепили на спине мула, и в воздухе уже витал резкий аромат предстоящего пути – пыль и опасность.

– Готово! – крикнул Заид ибн Рашид, помощник, друг и единственный человек, которому Абдулла доверял без оглядки.

Заид был высоким и жилистым, с лицом, обожженным солнцем до цвета старой меди. Хотя ему было всего двадцать два, в его тяжелом взгляде, которым он хладнокровно оценивали караван, было что-то от человека, повидавшего слишком многое.

– Мулы нагружены, провизия упакована, факелы и масло в отдельном мешке, – продолжил Заид, поправляя кинжал на поясе. – Если Аллах позволит, через три дня будем в Кордове.

Абдулла кивнул:

– Если дорога будет спокойной.

Заид усмехнулся:

– Когда она была спокойной?

Абдулла бросил взгляд на порт. Скоро Альмерия останется позади – шумная, вонючая, живая.

¹⁰ Сайиди – мой господин.

– В путь, – сказал он, и караван тронулся, медленно вытягиваясь из тесного двора, будто змея, выползающая из норы.

Первыми шли два бербера-разведчика – их босые ноги, привыкшие к горным тропам, бесшумно ступали по булыжникам. За ними, позвякивая колокольчиками, двигались мулы с драгоценным шафраном, каждый тюк которого был перевязан кожаными ремнями и покрыт промасленной тканью.

Абдулла, оценивая остальных охранников, шел во главе; его пальцы время от времени касались рукояти отцовского кинжала. Старая джамбия, память о погибшем родителе, лежала в ножнах. Клинок из дамасской стали, испещренный волнами узоров; на лезвии арабская вязь: «Терпение – ключ к победе»; рукоять из слоновой кости, некогда белой, теперь пожелтевшей.

Заид шагал слева, его зоркие глаза непрестанно изучали округу.

– До «Двух источников» шесть часов хода, – сказал он. – Если не задержимся в городе.

Абдулла скользнул взглядом по грязным улочкам, по которым они шли. Порт Альмерии провожал их последними подарками – запахом гниющих фруктов из сточных канав, криками разносчиков и воем голодных собак.

Почти сразу, как только караван вошел в город и направился к городским воротам, крик чаек оборвался, будто был перерезан ножом. Послышался звон цепей. Тяжелый и мертвый, не как у караванных колокольчиков, а глухой, будто удары по пустому кувшину.

И тишина. Странная, давящая, будто даже собаки боялись подать голос в этом месте.

Абдулла поднял глаза. Рынок рабов.

В облупившуюся стену – остатки некогда могучей складской постройки, построенной еще вестготами, – были вбиты железные кольца, к которым цепями прикованы живые товары: мужчины и женщины, полуобнаженные, с кожей, покрытой грязью и следами побоев. Их глаза, потухшие или полные немого ужаса, следили за каждым прохожим, будто пытаясь угадать: купят их сегодня или оставят гнить еще на сутки.

Толстый торговец, обмахиваясь веером из павлиньих перьев, подталкивал вперед нубийского мальчика лет десяти.

– Сильный! Видишь эти мышцы? – он щелкнул пальцами, заставляя ребенка напрячь худые руки. – Будет носить ваши тюки, как мул, а есть – как птица!

Тень от павлиньего веера скользнула по лицу мальчика, превращая его в живую маску: темные глазницы, синеватые губы. Мальчик молчал, его глаза, слишком взрослые для такого возраста, скользнули по Абдулле – не с мольбой, а с холодной покорностью.

«Я уже видел этот взгляд, – вспомнил Абдулла. – У нищего, замерзшего в горах, когда мы шли в мосарабские села. Такой взгляд встречается слишком часто в моей жизни».

Заид отвернулся, сжав кулаки.

– Проклятое место... – прошипел он сквозь зубы.

Абдулла остановился так внезапно, что мул позади него споткнулся. Его пальцы, только что скользившие по четкам, замерли.

– Сколько? – голос прозвучал резко, как удар клинка по камню.

Торговец с павлиньим веером замер, его жирные щеки дрогнули в подобии улыбки.

– О-о, знатный господин! Для вас – всего пятнадцать динаров! – он хлопнул в ладоши, и мальчик по привычке встал на колени, подставив шею для ошейника.

Заид резко развернулся:

– Абдулла, мы...

Но Абдулла уже вытаскивал кошель.

– Десять. И ни дирхемом больше.

Торговец запричитал, закатывая глаза.

– Десять, – повторил Абдулла и указал на едва заметное на шее мальчика клеймо: – Или я спрошу, откуда у тебя ребенок с клеймом кордовского эмира.

Наступила тишина. Даже цепи перестали звенеть. На шее мальчика, под слоем грязи, действительно угадывался полустертый знак – клеймо дворцовых слуг.

Торговец побледнел.

Абдулла бросил ему монеты, те звякнули о камень, как кандалы.

Торговец отстегнул цепь, и Абдулла одним движением кинжала перерезал веревку на запястьях мальчика.

– Имя?

Мальчик поднял глаза, впервые за день проявляя что-то кроме покорности.

– Юсуф... господин.

Эти слова ударили под ребра, сердце забилось так, что зазвенело в ушах, Абдулла вздрогнул – так звали отца. Он снял свой плащ и накинул на дрожащие плечи ребенка.

– Теперь ты будешь помогать Заиду с мулами.

Заид молча наблюдал, как мальчик пытается укутаться в слишком большой для него плащ. Глаза Зайда встретились с глазами Абдуллы – вопрос повис в воздухе, но ответ понимался без слов.

Абдулла резко развернулся и, не оглядываясь, пошел вперед. Мальчик засеменял следом, спотыкаясь о длинные полы плаща. А на камнях, куда упали монеты, на четвереньках ползал торговец.

Следом за рынком рабов начался квартал красильщиков. Дворы здесь были завалены тюками шерсти, сложенными в хаотичные пирамиды. Воздух гудел от вони – едкой смеси мочевой кислоты, квасцов и чего-то кислого, будто испорченного уксуса.

Рабы, сгорбившись, месили огромные чаны с индиго, их руки по локоть были выкрашены в синий цвет, а лица покрыты каплями ядовитой жидкости. Они походили на джиннов, вылезших из бутылок, но слишком изможденных, чтобы творить чудеса. Один из них, старик с седыми волосами, слипшимися от пота, поднял голову и встретился взглядом с Абдуллой. В его глазах было пусто, как в высохшем колодце.

«Опять этот взгляд...»

Наконец, город закончился.

Две почерневшие от времени башни с выщербленными зубцами стояли, словно старые стражи. Между ними – тяжелые ворота, окованные железом, уже не столько защищающие город, сколько напоминающие о былом величии. Над ними старый щит, поверх которого кто-то нацарапал глаз.

«Аль-Марийа...¹¹ Айн аль-Бахр...¹² – мелькнуло у Абдуллы. Старая поговорка моряков. Суеверия. – Сегодня «глаз моря» видел, как дрожал Абдулла у причала...»

Стража в ржавых кольчугах лениво ковыряла ножами в зубах, лишь изредка протягивая руку за худрами проходящих купцов. Один из них, коренастый детина с лицом, изуродованным оспой, заметил охрану Абдуллы и усмехнулся, обнажив желтые клыки:

– Берегите шафран, магрибийцы. В ущелье нынче волки голодны.

Его товарищи хрипло засмеялись, но Абдулла прошел мимо, не удостоив их ответом. Ветер потянул с дороги запах гари: за стеной жгли мусор. Абдулла машинально потрогал кинжал. Впереди ждал долгий и опасный путь в Кордову.

¹¹ Аль-Марийа – арабизированная форма названия Альмерии.

¹² Айн аль-Бахр – «глаз моря», идиома.

Глава 2.

*Год 581 от хиджры, месяц Шаабан (ноябрь 1185 года от Рождества Христова).
Дорога из Альмериш в Кордову.*

Сырость висела в воздухе – тяжелая, липкая, пропитавшая все вокруг. Дорога, размокшая после вчерашнего дождя, представляла собой месиво из глины и грязи. Каждый шаг мулов сопровождался чавкающим звуком, а из-под копыт вылетали комья холодной жижи, пачкая ноги путников.

Тучи нависли, словно прогнулись под тяжестью ненастья. Свинцово-серые, плотные, они плыли так низко, что казалось стоит протянуть руку, и пальцы коснутся их. Воздух был наполнен запахом прелой листвы и мокрой шерсти животных.

Слева и справа тянулись холмы, покрытые чахлыми кустами дрока, чьи ветви, отяжелевшие от влаги, склонялись к земле, покоряясь приближению зимы. Над ними кружили вороны – черные, мокрые, кричащие хриплыми голосами.

Абдулла ехал верхом на своем сером скакуне Джамиле. Тот, чувствуя приближение ливня, нервно зафыркал. Заид шел пешком рядом со своим белым конем, стараясь сберечь силы животного для горных перевалов.

– Если эти чертовы холмы когда-нибудь кончатся, – проворчал Заид, поправляя капюшон, с которого потекли тонкие струйки воды от заморосившего дождя, – то через два часа хода будем на месте. «Два источника» должны быть за тем перевалом.

Абдулла молча кивнул. Его охристый халат потемнел от влаги и стал цвета ржавчины. Он машинально провел рукой по лицу, убирая мелкие капли дождя.

Оглянувшись на караван, он увидел, как Юсуф, кутаясь в плащ, поскользывается на размокшей дороге. Мальчик поймал его взгляд и поспешно выпрямился, стараясь идти ровнее, но его босые ноги уже покрылись грязью и царапинами от острых камней. Он боялся прямо

смотреть на Абдуллу и охранников, но украдкой все же разглядывал их. Они все казались ему существами из другого мира – такими же чужими и опасными, как волки в горах.

Наемники берберы двигались легко, несмотря на грязь. Их босые ноги не скользили даже на самых топких участках дороги. Через плечи у них были перекинута короткие луки из темного дерева, а у поясов болтались кривые ножи с рукоятями из рога. Один из них, самый старший, с седыми прядями в черных волосах, обернулся и поймал взгляд Юсуфа. Глаза наемника – желтые, как у пустынной лисы – сверкнули, и мальчик поспешно опустил голову.

Леонцы были другими. Двое здоровенных мужчин в проржавевших кольчугах, брошенных поверх потрепанных туник, ехали на конях. Их копыта покачивались при каждом шаге, а тяжелые мечи в ножнах стучали по бедрам. Один из них – рыжий, с обгоревшим на солнце лицом – вдруг плюнул под ноги Юсуфу и что-то хрипло пробурчал на своем языке. Мальчик не понял слов, но сжался, будто это был не плевок, а удар.

Еще был раб-копьеносец. Он шел прямо за Абдуллой, неотрывно, как тень. Высокий, с кожей темной, как старая бронза, и шрамами по всему лицу. Его копье – длинное, с узким наконечником – блестело даже в этом тусклом свете. Но больше всего Юсуфа пугали его глаза – черные, пустые, будто у мертвого. Когда раб повернул голову, мальчику показалось, что тот смотрит не на него, а сквозь него, будто Юсуфа нет. Будто Юсуф уже труп.

Погонщики хоть и не были воинами, но тоже внушали мальчику страх. Их ножи – короткие, засаленные – то и дело мелькали в руках, когда они подгоняли мулов. Один из них, щуплый старик с выбитыми зубами, вдруг ухмыльнулся Юсуфу:

– Эй, щенок! Если отстанешь – волки сожрут. А если не они, то мы.

Мальчик ускорил шаг, стараясь держаться ближе к Заиду. Эти люди не были похожи на тех, кто торговал им раньше. Те хоть смеялись. А здесь... Здесь даже смех звучал как угроза.

Холодный дождь лил без устали. Он словно пытался стереть и караван, и его темных стражей. Небо было низким, тяжелым, цвета свинца, и лишь на западе, сквозь рваные края туч, пробивался слабый, умирающий свет, как напоминание о том, что солнце вот-вот скроется за холмами. Глинистая почва размокла так, что дорога превратилась в ад, вдобавок один из мулов захромал, провалившись в скрытую водой промоину.

К заходу солнца дождь усилился. Капли громко стучали по кожаным тюкам, выбивали ритм по деревянным седлам, превращая и без того трудный путь в настоящее испытание. Но останавливаться было нельзя – это грозило нападением разбойников или волков. В этот момент они увидели, наконец, караван-сарай.

«Два источника» – название, давно ставшее насмешкой. Когда-то, может, здесь и били ключи, но теперь это было просто прямоугольное строение из серого камня, облепленное глиной, с плоской крышей, из которой торчали кривые балки. По углам зияли дыры – следы небрежных ремонтов. Над воротами еще угадывалась вывеска с арабской вязью, но половина букв осыпалась, оставив только: «Два... исто...».

Ворота, обитые когда-то железом, теперь представляли собой жалкое зрелище – лишь пара ржавых полос еще как-то держалась на прогнившем дереве. Качаемые ветром, ворота нещадно стонали. Во дворе, превратившемся в грязное месиво, толпились мулы и верблюды, а у стен, под скудными навесами, сидели люди – купцы, погонщики, странники. Все они кутались в плащи, стараясь укрыться от дождя, который лил, как из ведра.

Из трубы главного здания валил густой дым – внутри топили очаг. Смешиваясь с влагой, дым создавал над караван-сараем призрачное облако.

Караван вошел в ворота и остановился, выстроившись в неровную линию.

– Разгружаем только шафран! Остальное остается под охраной! Заид, проследи, чтобы мулов отвели под навес и дали им просохнуть! – крикнул Абдулла.

Спешившись, он провел ладонью по шее Джамиля, чтобы проверить, не просочилась ли вода под попону. В благодарность за заботу конь горячо выдохнул ему в лицо.

Берберы мгновенно принялись за работу. Двое остались с луками наготове, остальные снимали драгоценные туки. Леонцы неохотно слезли с лошадей и начали помогать, их лица выражали явное недовольство.

Мулы тем временем стояли, понуро опустив головы, их бока тяжело вздымались, а один, самый старей, с бельмом на глазу, дрожал всем телом.

– Этому нужна сухая попона, – указал Заид, снимая с собственных плеч мокрый плащ. – Иначе к утру околеет.

Юсуф неожиданно рванулся вперед:

– Я могу! – он схватил грубое шерстяное покрывало из вьюка и, не дожидаясь разрешения, начал обтирать промокшую шкуру животного. Мул фыркнул, но не сопротивлялся.

Абдулла, молча наблюдавший за этой сценой, вспомнил слова отца: «Мулы вынесут любой груз. Кроме человеческой жестокости». В памяти всплыл образ другого мальчика, которого он купил в Гранаде, но не смог спасти. Он был уже слишком слаб. «Я покупаю их, как шафран, – подумал Абдулла с горечью. – Для чего? Чтобы оправдать себя за то, что оставил фикх¹³ и ушел в торговлю? – горло сжалось, будто его перетянули веревкой. – Даже когда отец перестал преподавать маликитское¹⁴ право, он продолжал говорить: «Знания – не товар». Но разве знания накормят голодного?»

– Пусть берберы по очереди греются у очага, – распорядился Абдулла. – Но сначала – мулы. И добавьте им ячменя, не экономьте.

Рыжий леонец скривился:

– Лошади важнее их...

– Твоя кляча получит двойную порцию, – резко ответил ему Абдулла. – Но сначала – мулы. Без них весь наш товар останется здесь.

Рыжий наемник алчно посмотрел на Джамиля:

– Мне бы такого скакуна...

Абдулла «выстрелил» взглядом в леонца, но не ответил.

В углу двора уже дымилась походная кузница – рабы раздували мехами огонь, чтобы просушить металлическую упряжь. Запах горящего кизяка смешивался с вонью мокрой шерсти и резкими нотами конской мочи, стекавшей по канавкам во дворе в общую зловонную лужу.

Раб-копыеносец молча принял у Абдуллы поводья его коня. Шрамы раба блестели от воды, словно начертанные на коже серебряные письмена.

– Ты остаешься с грузом, Кабуш, – сказал Абдулла. – И смотри в оба.

Копыеносец кивнул:

– Бог молчит!

– Что? – Абдулла замер. Это были первые слова раба за весь путь. Или Абдулле лишь послышалось?

– Ничего, сайиди, – копыеносец отвернулся, его мертвые глаза скользнули по Юсуфу, заставив мальчика невольно прижаться к Заиду.

– Парень, мы с тобой идем внутрь, – Заид мягко положил руку на плечо Юсуфу.

Погонщики повели мулов под навес – животные фыркали, сопротивляясь, пока их не привязали к прогнившим столбам. Один из берберов бросил на землю охапку сырого сена – оно пахло плесенью, но мулы жадно на него набросились.

Абдулла, Заид и Юсуф направились к зданию. Под ногами хлюпала грязь, смешанная с навозом. Мальчик споткнулся о что-то мягкое – мертвую крысу, раздувшуюся от воды. Он едва сдержал крик.

¹³ Фикх – наука, исламская юриспруденция.

¹⁴ Маликитская правовая школа – одна из четырех признанных богословско-правовых школ. Други три: ханафитская, шафиитская, ханбалитская.

– Не гляди под ноги, – прошептал Заид. – В таких местах под ногами всегда валяется какая-нибудь дрянь.

Они переступили порог и попали в общий зал караван-сарая – длинное помещение с низким потолком: из дождя в дым, из холода в вонь, из одного мрака в другой.

На стене у входа висело зеркало – когда-то дорогое, но теперь растрескавшееся, как лицо старухи. В его осколках отражались лица входящих, но искаженные, будто разорванные на куски. Юсуф мельком увидел себя, бледного, с глазами, полными страха, а за спиной... За спиной в треснувшем зеркале отражался рыжий леонский наемник, улыбающийся слишком широко, будто его щеки были разрезаны от уха до уха. Абдулла, заметив взгляд мальчика, резко толкнул зеркало. Оно качнулось, и образы рассыпались.

Перед ними был большой зал с глиняным полом, утоптанном до блеска, с выбоинами, заполненными мутной водой; посередине – яма для очага, где чадили сырые дрова; по стенам, отделенные друг от друга ветхими занавесками, ниши для путников с глинобитными возвышениями, покрытыми циновками из пальмовых листьев. Несколько человек, разложив скудные пожитки, уже расположились на них. Освещали все это дымные масляные светильники на стенах и слабый огонь очага, у которого сидела группа мосарабских купцов, тихо переговаривающихся на смеси арабского и латыни. Через трещины в потолке просачивалась дождевая вода. В воздухе стоял густой запах похлебки, пота и чего-то затхлого.

– Места есть? – спросил Абдулла у хозяина, толстого человека с маленькими глазами и бородой, в которой застряли крошки хлеба.

Тот лишь хрипло рассмеялся и указал на дальний угол, где еще оставалось немного сухого тростника.

– Для вас, господин, всегда найдется место. Если есть монеты.

Абдулла достал кошель. Хозяин было засуетился, но вдруг протянул ладонь и спросил:

– Худжра есть, господин? Вы знаете правила альмохадов – без печати дивана нельзя. Даже шакалу ночлег не дам.

Абдулла молча достал из-за пазухи кожаный мешочек. Хозяин развернул вощенный документ, обведя пальцем круглую печать – следы сургуча еще пахли миррой и тмином.

– О-о, торговец шафраном из Кордовы! – фальшиво восхитился он, хотя в этих местах каждый второй купец вез шафран. – Но где же второй лист? В Альмерии теперь две печати требуют...

Абдулла бросил на стол три дирхема вместо двух. Монеты звякнули, совершив древний ритуал, куда более священный, чем любые указы халифа. Хозяин тут же преобразился и ележно улыбнулся:

– Для вас – лучший угол! Поближе к очагу!

– Мои люди покажут груз. Только без досмотра, – сухо ответил Абдулла, давая понять, что не позволит рыться в тюках, как это любили делать в «Двух источниках», ища повод для взятки или кражи. Три дирхема купили право на неприкосновенность.

Заид тем временем повел Юсуфа к очагу – мальчик дрожал от холода, его губы посинели. Абдулла снова обратил внимание, что у ребенка нет обуви...

Дым щипал глаза, под ногами хрустели остатки вчерашней трапезы – кости, хлебные крошки – но все же здесь было лучше, чем на улице.

Абдулла сделал знак Заиду, и тот принес из поклажи коврики для намаза – тонкие, из верблюжьей шерсти, с вытканной киблой. Шесть человек встали в ряд: Абдулла впереди, Заид и четверо берберов за ним. Леонцы с усмешкой отошли в сторону, перешептываясь на своем грубом наречии. Их взгляды скользили по бурдюкам в руках некоторых постояльцев, но железное условие Абдуллы – ни капли вина во время каравана – держало их в узде.

– Аллаху акбар... – начал Абдулла.

Юсуф завороженно наблюдал, как мужчины синхронно склонялись в поклонах, а их тени плясали на стенах.

После молитвы хозяин принес поднос:

– Лучшее для почтенных гостей! – в его тоне звучала дежурная лесть.

На глиняных тарелках дымилась жидкая похлебка из чечевицы, а рядом с ними лежали плоские лепешки, испеченные в золе.

Абдулла и его люди ели в тишине, слушая, как в кухне – тесной пристройке за занавесом – звенели котлы и ругались на берберском рабы, а со двора доносилось тяжелое сопение мулов, прерываемое иногда глухими стуками копыт о перекладыны стойл.

Затем Абдулла разложил свой ковер на «кровать», достал из мешочка мисвак и почистил зубы. Заид устроил мальчика рядом с собой, накрыв его бурнусом¹⁵. Охрана расположилась у выхода, по очереди меняясь с теми, кто дежурил на улице.

Где-то за стеной рыжий леонек напевал похабную песню. Юсуф долго ворочался с боку на бок, думая о том, что с ним будет дальше. Желтые глаза бербера, мертвый взгляд копыеносца, круглая печать на документе – все это мелькало перед глазами, мешая уснуть. Но усталость взяла верх и, согревшись под бурнусом, он, наконец, погрузился в сон...

Абдулла проснулся до рассвета. Его внутренние часы, отточенные годами странствий, никогда не подводили. Ночью ему снилось, что он снова ребенок, а отец кричит из морской пучины.

На мгновение ему показалось, что он все еще тонет в том сне, в соленой воде, ощущаемой во рту и обжигающей легкие. Он снова был мальчишкой, стоящим на берегу, а море... Море не подчинялось законам природы. Оно вздымалось черной стеной, и в его пучине, среди обломков «Ат-Танмийи», метался отец. Не тонул, а именно метался, как пойманный в сеть тунец, разрывая себе кожу о щепки. Его рот открывался в беззвучном крике, но Абдулла понимал каждое слово, будто оно произносилось вслух:

– Ты видел! Ты видел и ничего не сделал!

Горло Абдуллы сжалось, будто он проглотил раскаленный уголь, сердце колотилось так, словно пыталось пробить ребра. Даже полностью проснувшись, он чувствовал липкий холод морской воды на коже, но это был всего лишь пот, стекающий по спине.

В караван-сарая царил тишина, нарушаемая лишь храпом леонцев и скрипом балок.

– Это лишь сон... – прошептал Абдулла, но язык был тяжелым, как после долгого бреда. – Я не видел, отец, я не видел... Меня там не было... Ты же знаешь...

Он потянулся за бурдюком с водой, но вдруг замер. Ему показалось, что в воздухе витал сладковатый запах гниющих водорослей – точь-в-точь как в порту Альмерии.

Абдулла отхлебнул воды и встал.

«Всего лишь сон», – повторил он мысленно и коснулся плеча Заида.

– Время фаджра, – прошептал Абдулла.

Заид мгновенно открыл глаза. Без слов они разбудили остальных мусульман.

Абдулла первым ступил во двор и... Замер. Ночь раскрылась перед ним хрустальным куполом, усыпанным мерцающими звездами, будто кто-то рассыпал по черному бархату горсть серебряных монет. Четко выделялся Орион – верный спутник странников, его пояс указывал путь на юг. Воздух, неподвижный и прозрачный, пах влажной полынью. Даже привычные звуки – шорохи, сопение животных, скрип дерева – растворились в этой торжественной тишине, будто мир затаил дыхание перед рассветом.

Они по очереди сходили за покосившуюся перегородку в туалет, потом совершили омовение ледяной колодезной водой, и совершили молитву.

¹⁵ Бурнус – очень широкий, просторный мужской или женский плащ с капюшоном из сукна или тонкого войлока.

Их завтрак был скудным: зачерствевшие лепешки, размоченные для мягкости в верблюжьем молоке, да горсть фиников из запасов Абдуллы.

После Абдулла твердым шагом направился к хозяину караван-сарая. Тот сидел у очага, пересчитывая вчерашнюю выручку, и даже не поднял глаз, пока тень Абдуллы не упала на его счеты.

– Мне нужна обувь для мальчика, – сказал Абдулла без предисловий.

Хозяин медленно поднял взгляд, его жирные пальцы замерли на деревянных костяшках.

– Какую еще обувь? Я не башмачник, – буркнул он, но Абдулла лишь слегка наклонился вперед, и в его глазах вспыхнуло то самое холодное спокойствие, перед которым трепетали даже леонцы.

– Ты берешь динары с купцов, которые теряют груз на твоей разбитой дороге. Ты берешь динары за «охрану», которую не обеспечиваешь. Значит, где-то у тебя лежит и обувь с ног тех, кто не смог заплатить, – Абдулла говорил тихо, но каждое его слово падало на хозяина караван-сарая так, как падает камень в воду.

Хозяин задергался, забормотал что-то о «недоразумении», но Абдулла уже положил на стол два дирхема – ровно вдвое больше реальной цены.

Через пять минут Юсуф, широко раскрыв глаза, сжимал в руках пару грубых, но крепких сандалий из козьей кожи. Они были старые, стоптанные, но целые. Вероятно, действительно снятые с какого-то бедняги, не сумевшего расплатиться за ночлег. Заид молча потянул на сандалиях кожаные ремни, чтобы подогнать их по ноге.

– Носи, – коротко сказал Абдулла, поворачиваясь к выходу.

Едва солнце показалось над горизонтом, караван двинулся в путь. Юсуф шел теперь увереннее, его ноги, израненные вчерашней дорогой, были защищены. Он украдкой смотрел на Абдуллу, но тот, как всегда, не проявлял ни тени эмоций. Только Заид, идущий рядом, усмехнулся, заметив, как мальчик старательно избегает луж – будто боясь испачкать неожиданный подарок.

Глава 3.

*Год 581 от хиджры, месяц Шаабан (ноябрь 1185 года от Рождества Христова).
Дорога из Альмериш в Кордову.*

Второй день пути протянулся, как верблюжья тропа: без приключений, но и без покоя. Караван полз через холмы, где редкие оливковые рощи сменялись каменистыми пустошами, и к вечеру добрался до низких стен караван-сарая «Белый верблюд». Путники, усталые, но довольные скорым отдыхом, ускорили шаг.

Все было как обычно: худжра с печатью, ужин из чечевичной похлебки, навес для мулов... Но на этот раз в дальнем углу зала, у очага, стояла небольшая толпа, теснясь вокруг чего-то невидимого и перешептываясь.

– Что случилось? – спросил Абдулла у хозяина караван-сарая.

Тот пожал плечами:

– Какой-то торговец заболел. Еврей-лекарь пытается помочь.

Заид нахмурился:

– Опасно?

– Не для вас, – хозяин усмехнулся. – Не чума, если вы об этом.

Абдулла медленно подошел ближе. Одних он отодвинул легким движением руки, другие, обернувшись и увидев его высокий силуэт, поспешно уступали дорогу сами: в его внешности, походке и спокойной уверенности читались статус и власть. Когда люди расступились, он увидел пожилого человека в длинном темно-синем кафтане с капюшоном; на груди поблескивала серебряная печать с именем на арамейском.

Не отрываясь от своего занятия, врач поднял глаза и сразу изменился в лице. Его взгляд скользнул по дорожному, хоть и походному халату Абдуллы, по серебряной пряжке на поясе, по уверенной осанке – мгновенная оценка, привычная для тех, кто живет среди чужих народов.

Пальцы врача произвольно поправили складки собственного кафтана, когда он отрывисто кивнул:

– Элиэзер бен Шмуэль, – голос звучал почтительно, но без подобострастия, ровно на той грани, которую соблюдают умные люди, знающие цену и себе, и другим. – Врач.

Перед ним лежал торговец, лицо которого пылало неестественным румянцем, а губы были покрыты сухими трещинами. Его живот вздулся, а руки судорожно сжимали край циновки.

– Не бойтесь, не лихорадка, – пояснил Элиэзер, заметив настороженный взгляд Абдуллы. – От лихорадки был бы озноб, а у него жар и рвота. Отравился. Плохая вода.

Абдулла наблюдал, как врач ловкими движениями растирал больному виски мятной мазью – резкий аромат тут же разнесся по залу, перебивая вонь прогорклого масла из светильников и плесневелой сырости, ввевшейся в стены. Затем Элиэзер достал из своего кожаного мешочка кусок коры ивы, растер его в порошок и залил горячей водой.

– Пей, – приказал он, поднося чашу к губам торговца. – Это остановит рвоту.

Тот с трудом сделал глоток и скривился от горечи.

– А теперь это, – Элиэзер достал небольшой глиняный сосуд с густой массой. – Мел и уголь. Уймет бурю внутри.

Абдулла знал этот метод – его отец, бывший маликитский факих, изучал и медицину, но что-то его заставило насторожиться:

– Ты уверен, что это поможет?

Элиэзер усмехнулся:

– Если бы я не был уверен, он был бы уже мертв.

За спиной Абдуллы кто-то перекрестился и зашептал молитву.

«Интересно, как они реагируют на врача-еврея? – подумал Абдулла. – С благодарностью? Или со страхом?»

– Ты из Кордовы? – спросил магрибиец.

– Из Толедо, – ответил еврей, не поднимая глаз. – Но последние годы кочую по этим дорогам. Видел многое... И многое из этого лучше не видеть.

– А разве бывает по-другому? – заметил Абдулла, как бы в ответ, но без интереса.

Элиэзер наклонился к больному, приложив ладонь к его влажному лбу.

– Теперь тебя должно вырвать, – сказал он спокойно. – Желудок должен очиститься.

После выпей еще отвара – он успокоит внутренности, – врач повернулся к стоявшему все это время рядом мальчишке-слуге: – Каждые два часа давай ему по глотку чистой воды с медом. Если к утру жар не спадет – разбуди меня.

Торговец скрючился от спазмов, но Элиэзер, не обращая на это внимания, поднялся и вытер руки о кусок чистой ткани. Его взгляд снова скользнул по Абдулле.

– Спрашиваешь, бывает ли по-другому... – он сделал паузу, затем кивнул в сторону дальнего угла зала, подальше от любопытных ушей. – Пойдем.

Они отошли. Врач первым делом достал серебряную фляжку и протянул Абдулле:

– Вода. Чистая. В этих местах лучше не пить из общих колодцев.

Абдулла вежливо отказал. Элиэзер не настаивал, сделал глоток сам, затем неожиданно спросил:

– Ты везешь шафран в Кордову?

– Какое тебе дело до моего товара? – Абдулла внимательно всмотрелся в глаза собеседника.

– Никакого, – врач понизил голос. – Но если твой путь лежит в Бенальонию – советую быть осторожнее.

– Что это значит?

– Там скупают шафран мешками, но... Не для красилен и не для кухонь.

– Для чего же? – усмехнулся Абдулла.

– Судя по тому, что я видел...

Через дыру в потолочной ткани в зал внезапно ворвался ветер, завыл в щелях стен, и пламя светильников затанцевало бешеными тенями, а с улицы донесся протяжный волчий вой – такой близкий, что у присутствующих мурашки пробежали по спине.

– Волки? – пробормотал кто-то из путников.

– Или не волки, – тихо добавил Элиэзер, его взгляд стал осторожным, оценивающим. – В этих горах... Много не то, чем кажется на первый взгляд.

– Довольно темных речей, старик! Говори, что знаешь! – холодно приказал Абдулла.

Элиэзер вздохнул, понизив голос до едва слышного шепота:

– Три недели назад я лечил кузнеца из Бенальонии. Он умирал от лихорадки и в бреду бормотал о «новом знаке в доме Господнем» и «золотой крови», – врач нервно облизал пересохшие губы. – Когда я спросил, что это за знак, он... – еврей стал говорить еще тише, почти беззвучно шевеля губами: – Умер, не договорив.

– Бред! Горячка! – фыркнул Абдулла.

– Возможно. Но двое других... Погонщик мулов и старуха-травница... – Элиэзер содрогнулся. – Тоже упоминали этот знак... А когда трое шепчут одно – мудрый прислушивается.

Абдулла почувствовал, как по спине пробежал холодок, но тут же сердито нахмурился:

– Бред больных и россказни старухи!

– Может и так, – кивнул врач. – Я сказал, что знал; верить или нет – твоя воля.

– И много кому ты уже успел рассказать об этом?

Элиэзер уловил нотки презрения в голосе Абдуллы и, странно улыбнувшись, ответил:

– За годы скитаний у меня появилось чутье на опасности. И в Бенальонии пахнет чем-то дурным. Когда-то я бежал из Феса... Альмохады начали жечь библиотеки. До этого в Толедо меня судили за «ересь» – хотели отрубить правую руку, чтобы не смел лечить. А потом в Леоне... – он резко оборвал речь, показав шрам на шее. – В аль-Андалусе пока терпят. Но фанатики везде одинаковы. Так что я привык доверять своим предчувствиям.

Абдулла хотел было отмахнуться, но что-то в глазах еврея остановило его – не страх, а усталая убежденность человека, повидавшего слишком много.

– Суеверия, – все же пробормотал он.

За спинами послышался шум. Элиэзер обернулся – больного торговца вырвало, и вокруг него теперь суетились слуги.

– Мне надо к нему, – кивнул врач. – Подумай над моими словами.

Луна, безжизненная, как отрезанная голова, круглая и холодная, как лед, плыла, затягивая звезды в свой мертвенный свет. Во дворе караван-сарая царила странная тишина, которую нарушали только легкие порывы ветра, треск огня факела, тени от которого плясали на стенах, будто запертые в камне демоны, и возня Заида. Он сидел на обрубка дерева у коновязи, его сильные руки ловко плели новую подпругу из сыромятной кожи. В свете факела его лицо казалось высеченным из старого дуба. Он работал молча, лишь иногда кряхтя, когда узел не поддавался.

Из тени робко вышел Юсуф. Мальчик остановился в двух шагах, боясь приблизиться.

– Садись, – не оборачиваясь, сказал Заид.

Юсуф послушно опустился на край того же обрубка. Ветер шевелил его грязные волосы.

Долгое время слышался только скрип кожи в руках Заида да далекий вой шакалов в горах. Потом воин неожиданно протянул мальчику нож – тот самый, что всегда висел у него на поясе.

– Бери.

Юсуф замер, глаза расширились от неожиданности и страха.

– Я... я не умею...

– Вот потому и бери, – Заид повернулся к нему. – Я был как ты. На пять зим старше. И так же дрожал у костра в первую ночь, не зная, что меня ждет.

Он резким движением вложил нож в дрожащие пальцы мальчика и поправил хват.

– Абдулла-сайиди купил меня у торговцев. Дал имя. Научил читать и торговать. Потом дал свободу, – голос Заида звучал жестко, но с благодарностью. – Теперь твоя очередь учиться.

Юсуф сжал рукоять и дотронулся до лезвия. Клинок был холодным, как зимняя земля.

– Я могу...

– Можешь, – кивнул Заид. – Но сначала научись держать. Вот так. Большой палец здесь.

Он поправил пальцы мальчика, показал простой удар снизу вверх.

– Если кто подойдет сзади – бей вот так. Не думай. Просто бей.

Луна, в какой-то момент скрытая облаками, снова появилась, и тени побежали по двору, как живые. Где-то далеко в горах завыл шакал – долгий, тоскливый звук, от которого по спине побежали мурашки.

Но Юсуф больше не дрожал. В его руке был нож, который вдруг показался ему таким тяжелым, каким не был ни один из кувшинов, которые ему довелось таскать. Впервые за несколько последних лет он почувствовал надежду.

– Чем ты занимался до этого? – спросил Заид.

Юсуф опустил глаза.

– Я носил воду, – прошептал он. – С рассвета до заката. Колодец был далеко, а кувшины тяжелые... – он показал на свои плечи – тонкие, но уже покрытые грубыми мозолями. – Еще чистил конюшни. Собирал навоз для печей.

– Нож держал когда-нибудь? – спросил Заид, кивнув на клинок.

Мальчик отрицательно покачал головой.

Ветер донес из-за стен караван-сарая крик ночной птицы – резкий, как предостережение.

– Теперь научишься, – сказал Заид. – И не только нож держать, – он встал, отряхнул колени и указал на мулов: – Завтра покажу, как седлать. Как укладывать груз. А потом – как считать. А сейчас иди спать.

Мальчик кивнул, но не сразу отдал нож. Он смотрел на него, как замороженный – с оружием в руках Юсуф уже не чувствовал себя таким беспомощным.

В черном небе мерцали звезды, холодные и далекие. Их было также много, как путей, что открывались перед человеком, если он осмелится сделать первый шаг.

Заид стоял, наблюдая за мальчиком. В его глазах отражались лунный свет и воспоминания. Он видел себя семь лет назад: такого же испуганного, сжимающего впервые в жизни нож, не верящего, что кто-то может дать ему шанс. Тогда ему было пятнадцать.

«О чем ты думаешь? – пронеслось в голове Заида. – О страхе? О свободе? Или просто о том, что будет завтра?»

Пальцы Заида машинально потянулись к шраму на боку – «подарку» от старого хозяина. Он помнил день, когда Абдулла вручил ему первый подарок, тот самый нож, который держал в руках Юсуф. Помнил, как тогда смотрел на клинок, словно тот был лишь миражом.

«Это твой первый шаг, – Заид поднял голову к звездам. За семь лет, проведенных с Абдуллой, он знал, что магрибиец никогда не делает ничего просто так. – Вырастешь. Может, станешь торговцем, может, воином. А может, просто свободным человеком».

Он хлопнул Юсуфа по плечу, забрал нож и мягко подтолкнул к двери караван-сарая:

– Иди спать. Завтра рано вставать.

Мальчик ушел. А Заид остался стоять под холодными звездами, слушая, как ветер шепчет что-то в темноте. Ветер, который, как и торговцы, не знал покоя и вечно куда-то направлялся.

Абдулла проснулся до рассвета, когда серый свет только начал пробиваться сквозь щели затянутых тканью окон. Вместе со светом в помещение проникал сизый, колючий туман – холодный, как дыхание мертвеца. На глиняных кувшинах у стен застыли ледяные узоры: дождевая вода за ночь превратилась в хрустальные когти. Вместе с тем, тело Абдуллы было покрыто липким потом, а в груди стучало, будто он бежал всю ночь. Перед глазами еще стояли обрывки сна – яркие, но ускользающие, как дым.

Снова сон. Снова беспокойный.

Он видел разбитый кувшин с тремя ручками – странный, неестественный сосуд, который никак не мог удержаться в руках. Каждая ручка была разной: одна – с арабской вязью, вторая – с крестом, третья – со словами на арамейском. Они распадались на части, едва он к ним прикасался, и каждый раз, когда он пытался собрать черепки, они резали пальцы, оставляя кровавые следы.

А еще был запах. Сладковатый, дурманящий аромат шафрана, смешанный с чем-то металлическим, железным. Кровью?

И звуки...

Отдаленный звон колокола, сливающийся с азаном и молитвой на иврите. Диссонанс, от которого сводило зубы. Все сплеталось в один вопль.

Абдулла резко сел, пытаясь отдышаться, и провел рукой по лицу: пальцы пахли шафраном. Или... Показалось?

«Что это было?» – спросил он себя.

Он не верил в вещие сны, но этот... Он казался больше, чем просто игрой разума. Он будто был бессмысленным продолжением сна про отца прошлой ночью.

Абдулла зажмурился, пытаясь поймать ускользающие образы. Оба сна – и вчерашний, и этот – оставляли во рту одинаковый привкус: смесь морской соли и шафрана. Но если первый был явно о прошлом, то второй... Второй словно разрывал время на части, смешивая символы, которых он не понимал.

«В чем смысл? – пытался понять Абдулла. – Что в них общего? И есть ли это общее вообще?»

Да, что-то связывало эти сны, что-то едва уловимое, но что?

Не страх. Страх был бы проще. Что-то более глубокое. Вспоминая сны, у Абдуллы возникало ощущение, будто он стоит на краю пропасти, а за спиной кто-то медленно режет веревку, удерживающую его. В первом сне этот «кто-то» – море, утягивающие отца. Во втором – кувшин, рассыпающийся в руках.

И звук.

В первом сне отец кричал без голоса, а во втором... Колокол, азан и молитва сливались в один вопль. Будто мир трещал по швам, и через эти трещины в него просачивалось что-то древнее, чего не должны видеть люди.

Абдулла сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Он не суеверен. Но если это не знак, почему тело помнит сны лучше, чем разум?

– А`узу биЛляхи мин аш-шайтани-р-раджим¹⁶, – трижды прошептал магрибиец и трижды сплюнул влево от себя.

За окном послышалось, как Заид начал призыв к утренней молитве. Абдулла встал, омыл лицо холодной водой и вышел во двор, где уже собирались его люди.

Юсуф стоял в стороне, наблюдая за тем, как расстилаются коврики и выстраивается ряд.

Абдулла быстро сделал омовение и встал во главе группы, поднял руки и начал:

¹⁶ А`узу биЛляхи мин аш-шайтани-р-раджим – Прибегаю к защите Аллаха от проклятого шайтана. Согласно сунне, если увидел плохой сон, нужно трижды сплунуть влево и трижды обратиться к Аллаху за защитой от шайтана (Бухари, № 3292; Муслим, № 2262).

– Аллаху акбар...

Сердце Абдуллы было обращено к Аллаху, слова молитвы лились из самых глубин души, но тревога, словно колючая трава пустыни, цеплялась за сознание.

«Что означал этот сон? Это знак? Знак к чему? – в этот раз сконцентрироваться на молитве Абдулле было трудно, как никогда. – Разбитый кувшин с тремя ручками... Шафран, смешанный с кровью... Колокол, переплетающийся с азаном... Как это все толковать?»

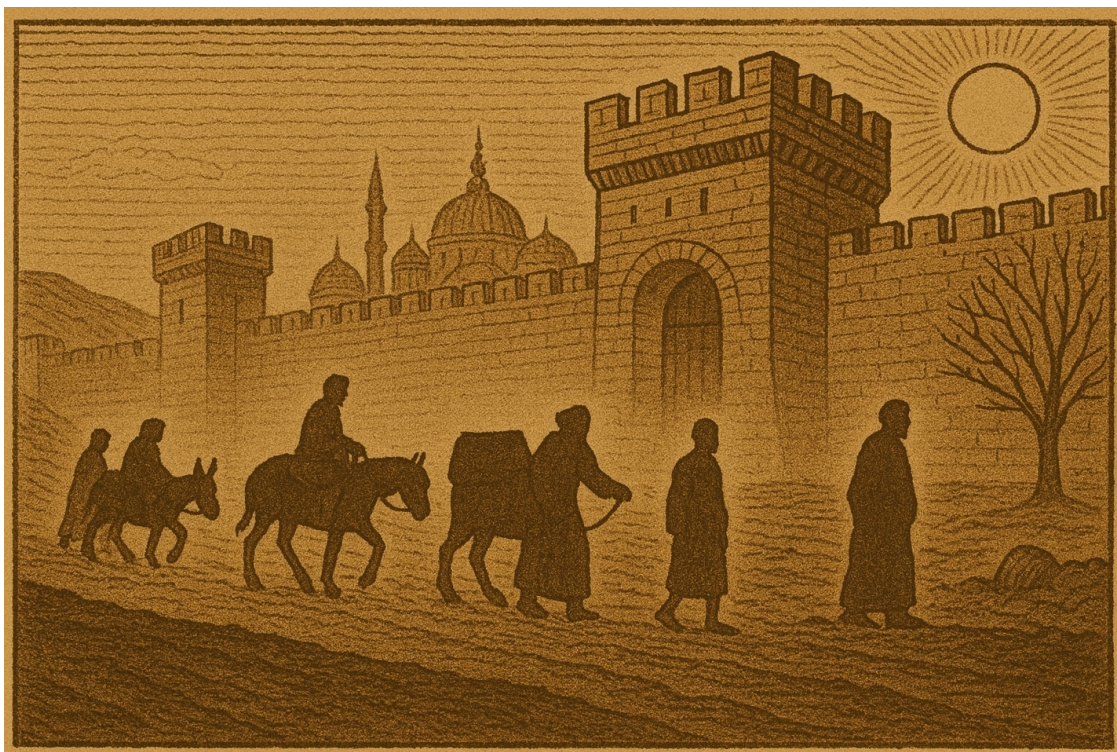
Он завершил молитву.

«Аллах ведет верующих по прямому пути, – напомнил он себе. – Если этот сон имеет значение – оно откроется. Если нет – значит он от шайтана и его нужно скорее забыть».

Но тревога не уходила, а предчувствие опасности давило.

Солнце оторвалось от горизонта и, разгоняя утренний туман, медленно поползло вверх. Караван отправился в путь. Еще немного – и Кордова.

Глава 4.

*Год 581 от хиджры месяца, Шаабан (ноябрь 1185 года от Рождества Христова).
Кордова.*

Последний участок пути караван преодолел под солнцем. Земля просохла от дождей, и пыль, поднятая копытами мулов, оседала на одежде, смешиваясь с потом. Впереди, за изгибом дороги, показались высокие стены Кордовы, а над ними – зубчатые башни и купола мечетей.

Когда караван подошел к Баб аль-Кантара – Мостовым воротам, через которые торговцы входили в город с юга, – уже вечерело. Массивные створки из ливанского кедра были испещрены глубокими трещинами и выбоинами от столетий службы, каменный порог внизу протерся до блеска колесами бесчисленных повозок, а на самой кладке ворот виднелись многочисленные царапины, будто от ударов копьями.

Привратник-мосараб в потертом плаще с капюшоном и вышитым на краю крестом, так тщательно запрятанным, что его почти не было видно, лениво протянул руку за документами. Его лицо, изрезанное морщинами, не выражало ни интереса, ни дружелюбия.

– Специи? – пробурчал он, разглядывая худжру. – Скоро этот товар и даром брать не станут. Альмохады обложили его, как осаду – налог на ввоз, налог на продажу, налог на воздух, которым дышишь, пока везешь... Лучше сразу увозите его в горы...

Абдулла молча кивнул, не вступая в разговор. Он привык к ворчанию чиновников и тех, кто им служил.

Стражник-мосараб, заметив, как Юсуф разглядывает надпись, хрипло рассмеялся, обнажив желтые зубы:

– Читать умеешь, мальчик? Грамотных рабов ценят!

Юсуф, давно принявший за должное, что к нему обращаются как к вещи, машинально опустил глаза, и не поднимал их пока караван не прошел ворота.

Он уже видел города раньше.

Альмерию, шумный порт, где людей, как товар, перегружали с корабля на корабль, а воздух был плотным от криков работорговцев и едким от морской соли, он называл «вонючим зверинцем». А Кордова... Кордова была иной. В ней даже воздух вибрировал от тысяч голосов, сливавшихся в вечный, будто пчелиный, гул. Она обрушилась на Юсуфа золотом куполов мечетей, спляшущим после серой дороги; растянутыми голосами муэдзинов, сплетающимися с глухими ударами церковных колоколов; грохотом колес по каменным мостовым, под которыми журчали сточные канавы; звяканьем монет в ладонях менял, пересчитывающих динары с маниакальной точностью; и горьковатым дымом кузнечных горнов, где ковали оружие для халифской гвардии. Горячие брызги масла из харчевен, где на вертелах плясали румяные туши ягнят, смешивались с едкой вонью дубильных чанов и вдруг перебивались сладким дымком жареного миндаля, будто Кордова дразнила этими противоречиями и контрастами: роскошь и грязь, изысканность и гниль.

Это был не город – организм, где каждый камень пульсировал жизнью. Альмерия жила торговлей, Кордова – властью.

Сейчас Юсуф шел по улицам без оков, и город раскрывался перед ним во всем своем шуме и великолепии. На миг глаза мальчика распахнулись, впитывая краски, как высохшая земля первый дождь. Он забылся. Забылся и забыл, что беглый раб не имеет права смотреть вверх. И тут же согнулся пополам, будто получив удар в живот. Старые шрамы на спине заныли, напоминая о плетях, а шея под воротником загорелась, будто клеймо снова прожгло кожу.

Он узнал эти улицы.

Ему были знакомы некоторые повороты, запахи и даже крики торговцев – все то, что он видел мельком, когда бежал из дворца. Вот здесь, у медресе, он когда-то прятался в нише, прижимая к груди украденную лепешку. А здесь, у фонтана, он наткнулся на проходящего мимо купца. Тот поймал его за волосы и швырнул на камни... Шрамы до сих пор не сошли с колен. Сердце забилося так сильно, что стало трудно дышать.

«А если меня узнают? Если кто-то из дворцовых слуг увидит? Если визирь...» – его пальцы сами собой потянулись к шее, к клейму, которое безуспешно пытались свести работорговцы кислотой. В его очертаниях угадывался тот самый контур «Ас-Сакалиба»¹⁷. Правда, теперь оно было скрыто под высоким воротником плаща, подаренного Абдуллою.

Заид, идущий рядом, хлопнул его по плечу:

– Что замер? Идем.

Его голос вырвал Юсуфа из оцепенения, и мальчик, кивнув, ускорил шаг, все еще озираясь по сторонам в поисках знакомых лиц.

«Нет, они не станут искать меня здесь...» – успокаивал он себя, но страх не уходил. Юсуф знал: если его найдут – смерть будет милостью.

От резкого крика продавца воды Юсуф вздрогнул. Он обернулся и увидел, как мальчишка-разносчик протискивался сквозь толпу с тяжелым кувшином на плече. На мгновение страх отступил, уступив место странному чувству: Юсуф будто смотрел на себя со стороны. А потом...

Как волна, на него обрушились запахи горячего хлеба из старой пекарни; кисловатого дыма оливковых веток, горевших в уличных жаровнях; резкий дух конского навоза, смешанный с ароматом специй из лавки торговца; едкий, въедливый аромат дубильных мастерских.

За криком продавца воды, сливаясь в странную, но живую симфонию, посыпались голоса:

– Свежие финики!

¹⁷ Сакалиба – ар. – термин, которым обозначали славян и другие народы. Часто употреблялся в отношении рабов славян, но позже стал применяться к европейским рабам, а также нубийцам и берберам.

- Чистая вода!
- Горячие каштаны с гор!
- Мед из Альпухарры!
- Свежий творог и сыр!
- Финиковый сироп!
- Теплые плащи из Овьедо!
- Благовония из Александрии!
- Веревки и сбруя! Крепче камня!

Звон кузнечных молотов из мастерской за углом ворвался в плотный гул рыночных голосов, и над всем этим вдруг заплакал медленный, протяжный азан.

Юсуф замер.

Нет, он продолжал идти, но делал это машинально, стараясь не отставать от Заида и не потеряться в толпе, а внутри него все трепетало: он все еще тот мальчик, бегущий по этим улицам, прячущийся и ищущий спасения, но все-таки уже другой. Еще не свободный, но уже и не раб.

Караван миновал шумный рынок и людные улицы, прошел мимо караван-сарая для левантских купцов и медресе, где из открытых окон доносились споры студентов, обогнул фонтан на площади и толпу у расположившегося рядом хаммама, прошел под арками акведука, с которых капала вода, и, наконец, свернул в узкий переулок, вымощенный булыжником с характерными желобами для стока дождевой воды, и остановился перед высокими деревянными воротами, обитыми коваными полосами в виде арабской вязи. Заид стукнул в них рукоятку кинжала – изнутри послышались шаги.

Деревянные ворота со скрипом распахнулись, выпустив навстречу теплый запах домашнего очага.

Дом Абдуллы. Он стоял в торговом квартале, недалеко от реки, и не был роскошным, но крепким и ухоженным: двухэтажный, с толстыми стенами из обожженного кирпича; патио¹⁸ с небольшим фонтаном в центре; на первом этаже склады, кухня, комната для переговоров; на втором – комнаты и личные покои.

Абдулла первым переступил порог, войдя во внутренний двор. Его взгляд мгновенно оценил каждую деталь.

«Фонтан работает, – отметил он, видя ровную струйку воды в каменной чаше. – Циновки новые, – скользнул взгляд по свежим пальмовым плетениям у входа. – Стены не коптят. Значит, Умм Джамиля не сэкономила на масле и не подмешивала дешевый рыбий жир, как в прошлый раз. Хорошо».

Он ненавидел копоть: она напоминала ему лачуги в порту, где воздух густел от гари и лжи.

Пожилая кухарка-берберка уже стояла у дверей кухни, вытирая иссеченные ожогами руки о передник. Ее темные глаза блеснули при виде хозяина.

– Ассаламу алейкум, сайиди, – прошептала она. – Хлеб свежий, финики и баранина ждут.

– Ваалейкуму салам, Умм Джамиля, – Абдулла кивнул и обернулся к каравану. Его голос прозвучал четко, как удар медного щита: – Разгружайте шафран в северный склад. Мирру – в прохладную кладовую. Остальное – под навес.

Двое слуг-мувалладов¹⁹, низкорослые, жилистые, уже спешили к мулам. Их движения были отработаны годами: один брал тюки, другой отмечал в восковой табличке.

¹⁸ Патио – открытый внутренний дворик жилого помещения, с разных сторон окруженный стенами, галереями, воротами, решеткой или зеленой изгородью.

¹⁹ Муваллады – ар. – испанские христиане, перешедшие в ислам.

Заид тем временем расплачивался с охраной. Четыре бербера и два леонца стояли в тени, переминаясь с ноги на ногу.

– По динару каждому, как договаривались, – сказал Заид, вкладывая монеты в натруженные ладони. – И по мешку фиников в дорогу.

Охранники закивали, пряча деньги за пазухи. Самый старший, с седыми прядями в черной бороде, хотел что-то сказать, но Абдулла опередил:

– Если будет работа, найму вас снова.

Повернувшись к дому, он сбросил дорожный плащ прямо на руки старшему из мувалладов:

– Горячую воду в хаммам. И скажи Умм Джамиле, чтобы добавила лаванды. А мы пока совершим молитву.

Абдулла, Заид и остальные мусульмане вошли в дом: пахло воском, мятой и чем-то неуловимо родным – тем самым запахом «родных стен», который не выветрился за неделю отсутствия хозяина. Они совершили омовение и молитву, а после – разошлись по своим делам.

Абдулла прошел в переговорную комнату, где на низком столе уже дымился кувшин с чаем, а рядом с пиалой на тарелке лежали миндальные сладости. Его руки сами нашли знакомые углубления на резных подлокотниках кресла.

– Отчет, – потребовал он, и один из слуг тут же подал деревянную, гладко отполированную, дощечку. Слуга протянул ее вместе с тонкой палочкой – на восковом слое дощечки виднелись цифры, выдавленные слугой и составляющие отчет.

Пока Абдулла изучал записи, дом оживал вокруг него: в кухне зазвенела посуда – Умм Джамиле грела ужин; во дворе скрипели ворота склада – муваллады раскладывали товар; где-то наверху хлопнула дверь – Заид отнес свои вещи в комнату.

Юсуф, вошедший в переговорную вместе с Абдуллой, стоял у стены, внимательно наблюдая за хозяином, и не решался двинуться. Его глаза металась от одной двери к другой, будто ища путь к отступлению.

– Ты будешь спать в сеннике, – сказал Абдулла, не поднимая глаз от дощечки. – Заид покажет.

Слуги и Юсуф вышли, и Абдулла, наконец, позволил себе расслабиться, откинувшись на подушки. Шесть дней пути. Шесть ночей неполного сна. Сначала в Альмерию, потом обратно. Теперь можно было по-настоящему закрыть глаза – хотя бы ненадолго.

Но уже через мгновение его рука потянулась к счетам. Дом ждал хозяина.

Однако углубиться в отчет Абдулла не успел, так как в дверь постучали.

– Войди, – сказал он, даже не подняв глаз.

Дверь скрипнула, и в комнату вошла Умм Джамиле. Сложив руки на животе, она замерла в ожидании.

– Что-то случилось пока меня не было? – спросил он, наконец оторвав взгляд от цифр.

– Нет, сайиди, все спокойно, – ответила она, но в ее глазах мелькнуло что-то, что заставило Абдулла нахмуриться.

– Говори.

– Маленькие дела, ничего важного, – начала она, слегка покачивая головой. – Соседский мальчишка разбил кувшин у наших ворот. Я заставила его подмести осколки и прогнала. Торговец пряностями спрашивал, когда ты вернешься, хотел предложить большую партию корицы.

Абдулла кивнул, ожидая продолжения. Он знал, что Умм Джамиле не стала бы отвлекать его из-за таких мелочей.

– И... – она слегка замялась. – Снова приходил Абдулла аль-Куртуби.

Глаза хозяина сузились. Абдулла Аль-Куртуби. Богатый купец, из тех, кто считал, что кровь²⁰ и деньги дают право лезть в чужие дела.

– Он спрашивал, когда ты вернешься, – продолжила Умм Джамиля, осторожно подбирая слова. – Говорил, что хочет обсудить с тобой... Какое-то важное дело.

Абдулла ничего не ответил. Он знал, о каком «важном деле» шла речь. Амина. Дочь аль-Куртуби. Красивая, воспитанная, с приданым, которое могло бы удвоить состояние Абдуллы. Но он не хотел жениться.

Не сейчас. Может быть, никогда.

– Еда подана? – спросил он, обрубая дальнейшие разговоры на эту тему.

Умм Джамиля поняла намек:

– Да, сайиди.

– Хорошо. Иди.

Когда дверь за ней закрылась, магрибиец откинулся на подушки и закрыл глаза. Шесть дней пути. Шесть ночей неполного сна. И даже теперь, дома, покой не приходил.

Аль-Куртуби. Амина. Брак.

Абдулла помнил, как этот аль-Куртуби называл его отца «мягкотелым философом» за то, что тот высказывался в защиту мосарабов.

«Важное дело! – усмехнулся Абдулла. – Богач, считающий, что ему дозволено все».

Каждую пятницу, выходя из мечети, он с холодным презрением расталкивал нищих, просящих милостыню.

«И за что ему такая благодетельная дочь!»

Абдулла резко встал, отшвырнув мысли прочь, и пошел ужинать.

Во время трапезы Абдулла разделил с Заидом и Юсуфом баранину с приправами, лепешки, финики и чай, а затем оставил распоряжения слугам и удалился в хаммам. Заид тем временем повел мальчика через двор к сеннику. В глубине, за рядами мешков с зерном, скрывалась узкая дверца – вход в темную и тесную сторожку.

Комната оказалась тесной, но сухой: глинобитные стены, низкий деревянный настил с тонким тюфяком, набитым соломой, на нем плетеная циновка и грубый шерстяной бурнус вместо одеяла. В нише тлела масляная лампадка – Абдулла хоть и не баловал слуг роскошью, разрешал свет до комендантского часа.

– Не дворец, – сказал Заид, ставя у порога глиняный кувшин с водой, – но крыша над головой и никаких цепей.

Его рука на мгновение сжала плечо Юсуфа:

– Самые темные дороги тобою уже пройдены. Теперь бояться нечего.

Когда шаги Заида затихли, Юсуф сел на жесткий тюфяк, прислушиваясь к шуму фонтана во дворе. В дрожащем свете лампадки тени на стенах казались меньше, чем страхи в его груди. Абдулла... Хозяин, купивший его, но не ударивший ни разу. Заид... Воин, показавший, как держать нож, а не срывающийся на нем, как прежние надсмотрщики. Мальчик сжал кулаки, чтобы еще раз почувствовать под пальцами мозоли от дворцовых кувшинов. Впервые за долгие годы он не хотел бежать.

За окном зашуршали первые капли дождя, погода снова испортилась. Юсуф потушил лампадку и лег. Сквозь узкое окошко он видел, как тучи пожирают звезды одну за другой.

Он закрыл глаза.

А когда открыл – в комнату уже проникал серый утренний свет. Дождь все еще стучал по крыше, но уже тише, будто устал. Во дворе скрипели ворота, слышались частые и быстрые шаги, а также плеск воды и глухие удары деревянных ведер о каменный край колодца. Юсуф потянулся, ощущая в мышцах непривычную легкость, и встал.

²⁰ Имеется в виду, кровь знатного рода, к которому принадлежал Абдулла Аль-Куртуби.

Глава 5.

*Год 581 от хиджры, месяц Шаабан (ноябрь 1185 года от Рождества Христова).
Кордова.*

Абдулла распродал шафран и мирру быстрее, чем ожидал, но кошель становился тяжелее незначительно – альмохадские чиновники вычерпали прибыль налогами, как воры мед из кувшина, а конкуренты-купцы так сбили цены, что торговать стало бессмысленно. Заид напомнил в конце очередного дня, что в горных селах, где конкурентов намного меньше, тот же товар можно продать вдвое дороже, хотя, конечно, есть риск нарваться на ренегатов – бывших солдат и дезертиров, грабящих караваны и случайных путников.

Абдулла согласился:

– Городские дела завершены. Завтра двинемся в горы.

Он нанял ту же охрану, что сопровождала их в Альмерию: четверых берберов-лучников и двух леонцев. Вместе с охраной, Заидом, молчаливым рабом-копьеносцем, тремя погонщиками-мувалладами и Юсуфом караван выглядел пусть и небольшим, но готовым к опасностям горной дороги.

Юсуф же, хоть и оставался рабом, теперь считался подручным погонщиков – Заид научил его за эти несколько дней в Кордове основам: как подгонять подпруги, распределять груз, даже разводить костер в сырую погоду.

Утро было тяжелым, затянутым в серую пелену низкого неба; воздух сырым и неподвижным, будто природа затаила дыхание, ожидая чего-то недоброго. Дождя не было, но вся Кордова будто выпцвела: глиняные стены домов казались блеклыми, деревья стояли безмолвные, с поникшими ветвями, а на каменных дорожках патио лежала холодная влага.

Караван был готов отправиться в путь.

Абдулла потрогал рукоять джамбии – кинжал отца, как всегда, лежал у него за поясом. Он в очередной раз вспомнил выгравированные на лезвие слова: «Терпение – ключ к победе». Сегодня почему-то они казались ему насмешкой. В груди засело странное чувство – не страх, а скорее глухое предостережение, будто невидимая рука сжимала его сердце холодными пальцами. Оно не кричало, не требовало немедленно отменить поход, но настойчиво шептало: «Не сейчас... Не этой дорогой...»

Он вспомнил Элизера и его слова: «За годы скитаний у меня появилось чутье на опасности... Я привык доверять своим предчувствиям...» Что сейчас сделал бы старый врач? Прислушался к этому внутреннему голосу, отложил поход? Или, стиснув зубы, все равно бы отправился в путь, презрев тревожные знаки?

Вспомнился сон – разбитый кувшин с тремя ручками, запах шафрана, смешанный с кровью, звон колокола с голосом муэдзина. В горле появился тот самый привкус, как перед штормом, как в детстве, когда он впервые увидел море и понял, что оно может убить.

А затем мысли плавно перешли к визиту Абдуллы аль-Куртуби. В прошлый раз, когда он приходил, Абдулла был дома, и разговор зашел о женитьбе.

– Ты же не хочешь, чтобы твое дело кануло в Лету? – спрашивал аль-Куртуби, – Мужчину без наследника ветер уносит быстрее, чем осенний лист.

Конечно, он сватал свою дочь. Амину. Абдулла признавал, что она красива, даже очень, как миниатюры из персидских книг, и умна, даже знала наизусть Коран, но сердце к ней у него оставалось холодным.

Он уже был женат.

Это был 1160 год. Тлемсен. Ему двадцать пять, он учился в медресе, где преподавал его отец, изучал маликитский фикх, Коран и хадисы, арабскую риторику и математику. Отец выбрал ему жену – Фатиму, дочь своего друга-факиха, тоже преподававшего в медресе. Свадьба была скромной, без лишней пышности, но брак продлился лишь два года. Фатима, тихая и красивая, с глазами, как у газели, и голосом, похожим на журчание воды, умерла. Лихорадка, подхваченная во время эпидемии после наводнения. Целый год после этого Абдулла ни с кем не разговаривал, закопавшись в книгах и отдав себя полностью учебе.

А еще через три года погиб отец...

Эти воспоминания... Лицо Фатимы, такое живое в утреннем свете... И отец, поправляющий свиток на лекции... Все это теперь существовало лишь в хрупком мире памяти, где время не лечит, а лишь приглушает боль.

И теперь аль-Куртуби предлагает ему Амину? Как будто Фатимы не было. Как будто его сердце – просто пустой кувшин, который можно наполнить любой водой.

«Нет! Не сейчас! И, может быть, никогда!»

Абдулла мотнул головой, словно смахивая накотившие мысли, и посмотрел на приготовления каравана. Берберы молча проверяли тетивы луков, леонцы нервно покусывали губы, поглядывая в сторону гор, где прятались тропы ренегатов. Даже мулы, обычно нетерпеливые в дороге, сегодня покорно ждали, лишь изредка всхрапывая.

Абдулла выпрямился, с силой выдохнув скопившееся напряжение.

«Суеверия!» – мысленно выругался он.

Товар нужно продать. Нельзя отменять поход из-за каких-то смутных ощущений.

– В путь! – голос Абдуллы прозвучал резко, почти грубо, перекрывая последние сомнения.

Караван медленно удалялся от Кордовы, оставляя позади последние глинобитные постройки городских окраин. Вскоре и зубчатые крепостные стены, и высокий минарет растворились в серой дымке. Дорога, сначала широкая и утоптанная тысячами подков, постепенно сужалась, превращаясь в каменистую тропу, петляющую между холмов.

Перед ними выросли горы, которые из-за темных сланцевых пород арабы называли Джабаль аль-Асвад²¹ – древние, изрезанные временем хребты, покрытые редкими зарослями карликового дуба и колючего дрока. Воздух стал еще тяжелее – с запада наплзали темные тучи, цепляясь за вершины гор, – и к полудню начался мелкий, назойливый дождь, больше похожий на холодную пыль. Тропа превратилась в скользкую ленту, где копыта мулов то и дело скользили на обнаженных корнях и мокрых камнях.

Юсуф, кутаясь в подаренный Абдуллой плащ, крепче вцепился в гриву мула и старался сильнее прижаться к его телу, хоть немного согревающему воздух вокруг. Он украдкой наблюдал, как леонцы все чаще оглядывались назад, к давно исчезнувшему из виду городу, а берберы в своих темных хирках почти сливались со скалами; только луки, обмотанные сыромятной кожей, выделяли их желтоватыми пятнами.

Абдулла ехал впереди. Пальцы в почти бессознательном жесте касались рукояти джамбии. Горы вокруг молчали. Даже ветер, обычно свистящий в ущельях, сегодня затих, оставив только мерный стук копыт да редкие окрики погонщиков.

Где-то впереди, за этими складками земли, уже ждало первое горное село, первая остановка...

Прошло несколько дней. Третье горное село.

Караван расположился на ночлег в заброшенном караван-сараяе на окраине селения – каменном строении с провалившейся крышей, где когда-то останавливались купцы, везущие мед и миндаль из Альпухарры. Теперь здесь ютились лишь путники да торговцы. Товар сложили в дальнем углу под присмотром раба-копыеносца и двух берберов; остальные ночевали рядом с мулами в полуразрушенной конюшне.

Абдулла сидел у чадающего костра, разведенного под открытым небом среди обвалившихся колонн. Пламя освещало его осунувшееся за эти дни лицо.

– В этом селе почти ничего не купили, – он бросил в огонь сухую ветку, наблюдая, как искры взмывают в черное небо. – В прошлом – тоже. В первом – взяли хоть что-то. Цену дают хорошую, но берут по крупницам.

Заид хмыкнул:

– Значит, кто-то уже прошел по этим селам до нас. И недавно.

– Верно говоришь, – Абдулла потер переносицу. – Только кто бы это мог быть? Из Кордовы в последнее время караваны в эту сторону не выходили.

Где-то в стороне заскрипела дверь – из темноты выскользнул Юсуф. Он принес чай в походном кувшине, заваренный на каменной нише, сохранившейся от старого очага внутри караван-сарая.

– В лавке старик говорил про «чужаков с севера», – прошептал Заид, глядя, как мальчик разливает напиток по глиняным чашкам.

Молчание, нарушаемое лишь треском пламени, легло между ними. Где-то в горах тоскливо завыл шакал.

Абдулла заговорил первым:

– Аль-Калиб в дне пути. Нам следовало бы направиться туда.

Заид нахмурился, вспоминая карту торговых путей:

– Аль-Калиб? Через Воронье ущелье?

– Именно, – кивнул Абдулла.

Заид покачал головой:

– Там даже джины теряют дорогу... Опасность не может столько раз обходить нас стороной...

²¹ Джабаль аль-Асвад – с ар. – черные горы.

– Что ты имеешь в виду?

– Шесть дней пути до Альмерии и обратно, еще пять – по этим селам... И ни одной засады, сайиди. В Вороньем ущелье нам боя не миновать.

– Поэтому туда и не ходят торговцы, – Абдулла провел рукой по клинку джамбии, поблескивавшему в его руках. – В Аль-Кулибе дают тройную цену за любой товар. Если мы и там не сможем ничего продать... – он резко сжал горсть пепла, и теплый прах просочился сквозь пальцы. – С этого товара будут одни убытки.

Заид молча кивнул.

Абдулла встал, отряхивая халат.

– Тогда завтра после утренней молитвы выходим.

Караван медленно продвигался по горной тропе, окутанной серой дымкой. Солнце, спрятанное за плотными тучами, отбрасывало бледный, почти призрачный свет на камни. Воздух был тяжелым и влажным, но дождь не начинался.

Было пройдено полпути, когда впереди, за поворотом, показалась одинокая фигура. Мужчина лет сорока, в потрепанном халате из дешевой шерсти и сбитых сандалиях, шагал навстречу, слегка прихрамывая. Увидев караван, он резко остановился, словно испугался, но затем робко помахал рукой.

– Мир вам, путники! – голос его дрожал. – Аллах милостив, что послал мне встречу с людьми!

Абдулла жестом остановил караван, внимательно осматривая незнакомца. Тот выглядел изможденным: лицо покрыто пылью, в глазах смесь страха и облегчения. На его правом предплечье виднелась грязная повязка, пропитанная запекшейся кровью.

– Кто ты? – спросил Абдулла, не убирая руки с кинжала.

– Ибрагим аль-Магари, торговец из Гранады, – мужчина низко поклонился, но глаза его бегали, как мыши в амбаре. – Точнее... Бывший торговец. Теперь просто тот, кому повезло выжить. Мой караван разграбили два дня назад у Вороньего ущелья... Я чудом спасся.

Заид переглянулся с Абдуллой.

«Глаза у этого человека бегают, как у вора... Но рана настоящая. Значит, не лжет? Или он нанес ее сам?» – подумал Абдулла и спросил:

– Говоришь, разбойники?

– Да, – Ибрагим кивнул, нервно озираясь. – Их не меньше десятка. Устроили засаду на скалах – сверху лучники, внизу... – он дрожащей рукой указал на рану. – Мне повезло, я упал в кусты. Они меня не заметили и пока делили добычу, я уполз...

Абдулла нахмурился.

– Ты видел их вблизи?

– Мельком... Но слышал голоса. Говорили на смеси берберского и кастильского, – Ибрагим понизил голос. – Они ждут купцов, идущих в аль-Калиб.

Заид скрестил руки на груди.

– Есть путь через Бенальонию, если вы направляетесь в аль-Калиб, – быстро сказал Ибрагим. – Дольше на два дня, но лучше обойти. Безопаснее. Да и... – он запнулся, – там можно продать товар. Что вы везете? Староста Бенальонии христианин, но готов скупить шафран и мирру тайком. Платит вдвое дороже.

Абдулла резко поднял голову.

– Зачем христианам столько шафрана?

Ибрагим побледнел. Его пальцы судорожно сжали край халата.

– Не спрашивайте... Я не знаю. Но мой совет – не испытывайте судьбу, идите через Бенальонию. И... Можно глоток воды?

Абдулла кивнул погонщикам, чтобы дали ему бурдюк с водой, а сам задумался: «Идти через Воронье ущелье... Опасно... Но Бенальония... Почему этот путник так настаивает?»

Заид с Юсуфом выжидательно посмотрели на него. Повисшую тишину прерывало лишь тревожное карканье ворона где-то в ветвях корявых сосен, тянущихся к небу искривленными ветвями, словно иссохшими пальцами. Где-то вдаль ворону ответил воем шакал. Рядом зашевелилась тень – на мгновение показалось, что это не просто камень... Заид тотчас натянул тетиву лука, охрана выхватила оружие и напряглась, но это был лишь горный козел, споткнувшийся на склоне о булыжник и скрывшийся в скалах.

Абдулла подвел своего коня ближе к Заиду и тихо прошептал:

– Этот человек врет – но в чем именно, я пока не понимаю.

Заид едва заметно кивнул:

– Бенальония – христианское село. Нам нельзя торговать с ними.

– Верно, нужен пропуск на торговлю с зиммиями, – пробормотал Абдулла. – А если альмохады узнают...

– Лучше пройти село, не торгуя, – предложил Заид. – Пройти мимо, избежав засады, а дальше – в аль-Калиб.

Абдулла вновь задумался. Рисковать караваном из-за Вороньего ущелья было безумием. Но и Бенальония вызывала смутную тревогу: «Не дай Аллах альмохамским надсмотрщикам унюхать контрабанду...»

В памяти всплыли слова Элиэзера: «Там скупают шафран мешками, но... Не для красилен и не для кухонь».

Рука сама схватила рукоять джамбии. Два лишних дня пути – это не только потеря времени, но и новые расходы на корм для животных, и лишние ночи в горах, где каждый рассвет встречаешь с оружием в руках.

«Когда трое шепчут одно – мудрый прислушивается», – настойчиво звучал в голове голос старого еврея.

– Заид, – тихо сказал Абдулла другу, – помнишь рассказ того иудея-целителя? О Бенальонии?

Заид нахмурился, стиснув бороду в кулак:

– Помню. Но разве это не пустые страхи?

– Быть может. Но смотри, – Абдулла кивнул в сторону путника, жадно глотавшего воду из бурдюка, – как рьяно он направляет нас именно туда.

Высоко в скалах снова прокаркал ворон. Абдулла вдруг ясно представил, как их караван втягивается в узкое ущелье, где сверху уже натянуты тетивы луков...

– Решено, – он слегка развернул коня, оставаясь лицом к Заиду, и шепнул: – Через Бенальонию. Но села не касаясь. Пройдем немного стороной. И с двойной охраной на ночлегах.

Абдулла понимал: оба пути таили опасность. И возможная засада в ущелье, и таинственная угроза, о которой предупреждал Элиэзер.

«Терпение – ключ к победе», – вспомнил он надпись на клинке.

Он повернулся к путнику и поблагодарил его:

– Да воздаст тебе Аллах за предостережение, брат мой!

Ибрагим заколебался, нервно перебирая край повязки:

– А... Какой же путь избрал мой господин?

Абдулла не удостоил Ибрагима ответом. Сделав знак каравану, он двинулся дальше.

Путник остался стоять на тропе. Он не шевелился, пока последний мул не скрылся за поворотом. Ветви сосен зашевелились: черный ворон сорвался с ветки и полетел в сторону Бенальонии, его карканье растворилось в сером небе.

Глава 6.

*Год 581 от хиджры, месяц Шаабан (ноябрь 1185 года от Рождества Христова).
Бенальония.*

Последние лучи солнца тонули в серой пелене над горами, когда караван Абдуллы спустился в долину. Перед ними, на склоне горы, притаилась Бенальония: низкие каменные дома, кривые заборы. Дым из труб стелился по земле, будто село курило, затягиваясь перед смертью.

– Здесь остановимся, – сказал Абдулла, сжимая поводья. Его голос звучал глухо, будто исчезал в тяжелой тишине гор.

Заид мрачно осмотрел ущелье:

– В горах ночью волки. Да и люди здесь не лучше.

Мулы фыркали, уткнувшись мордами друг в друга. Их шерсть покрылась инеем – ноябрьский ветер пробирал до костей. Даже леонцы, привыкшие к холоду, кутались в плащи.

– Верно говоришь. Идем ближе к селу, – согласился Абдулла с другом.

Старая дорога привела их к амбару на краю поселения, чьи стены были изъедены временем, словно проказой. Ворота скрипели на ржавых петлях, открывая темноту, пахнущую прелым зерном и крысиным пометом.

– Лучше не будет, – сплюнув, буркнул один из погонщиков.

Мулов загнали под навес, где еще сохранились остатки соломы. Груз сложили в дальнем углу, прикрыв брезентом; берберы остались сторожить его. Посреди двора развели костер, люди расстелили циновки вокруг. Пламя лизало сырые дрова, дым стелился низко, смешиваясь с туманом.

Абдулла с Заидом только успели совершить молитву, когда у стоянки каравана появились тени – любопытные, но осторожные. Потом, осмелев и поняв, что караван не проявил агрессии, стали подходить люди.

Первой была старуха. Увидев мусульман, она резко перекрестилась и поспешно заковыляла прочь.

– Чужаки... – шипела она, стараясь поскорее уйти.

За ней потянулись другие: женщины прятали лица в платки, шепча молитвы; дети, грязные и босые, швыряли камешки, пока рыжий леонец не рывкнул на них; старики, нервно перебирая что-то в руках, перешептывались. Все они как появлялись, так и исчезали, но вскоре к амбару подошли двое мужчин – один дородный, в годах, в кожаном фартуке, второй – тощий, юноша с кувшином. Берберы и леонцы тут же заняли позиции, готовые в любой момент выхватить оружие.

– Вино? – предложил юноша, поднимая сосуд и улыбаясь. – Собственного приготовления.

Абдулла покачал головой:

– Нам не позволено вино.

Старший мужчина усмехнулся:

– А те, что приходили раньше, не отказывались. Тогда, может, сыр? Хлеб? У нас лучшие в округе.

– Нам ничего не нужно, – твердо ответил Абдулла.

Мужчины недовольно переглянулись и отошли, но остановились неподалеку. Ждали. О чем-то шептались.

А вскоре к амбару подошла новая группа людей, ведомая высоким сухопарым мужчиной в темном плаще, отороченном выцветшим бархатом. Его поступь была легкой, почти бесшумной, словно он не ступал по земле, а скользил над ней.

– Дон Энрике де Монтес, – представился он, слегка склонив голову. У него были впалые щеки, пронзительные серые глаза, кажущиеся почти бесцветными, и нос с горбинкой, видимо, сломанный в драке. Волосы пепельные, с проседью, собранные в небрежный хвост. Голос его звучал мягко, но в нем чувствовалась сталь. – Староста Бенальонии.

Ночь уже давно стала совсем черной. Единственным светом служил костер, раздуваемый ветром, и факелы, дрожащие в руках погонщиков и людей, сопровождающих старосту. От света огня тени на земле и стенах амбара плясали, вырисовывая в этой пляске уродливые карикатуры. Дым факелов смешивался с ночным туманом и ложился на землю, будто сама ночь выдыхала его.

Абдулла оценивающе осмотрел гостя. Крест на груди старосты был скрыт складками плаща – лишь иногда, когда он двигался, серебряный блик выдавал его присутствие.

– Мир вам, – ответил Абдулла на безупречном кастильском, не сближаясь со старостой.

Дон Энрике слегка приподнял бровь. Абдулла понял его удивление: для кастильцев было непривычно, когда мусульманин говорил на их языке не хуже местного сборщика податей. Большинство мусульманских купцов либо молча кивали, либо бормотали что-то на ломаном кастильском наречии.

– О, какая редкость – мусульманин, знающий кастильские обычаи! – дон Энрике улыбнулся, но его глаза остались холодными, как горные озера. – Вы, должно быть, устали с дороги. Почему не остановились в центре села? Мы бы предоставили вам куда более удобное место.

– Нам и здесь хорошо, – сухо ответил Заид, стоя чуть позади Абдуллы.

Староста сделал вид, что не заметил тона.

– Как пожелаете. Хотя... – он кивнул в сторону тюков, – с таким ценным грузом вам не помешала бы охрана. В горах полно лихих людей.

– Мы знаем, как защитит себя, – сказал Абдулла.

Дон Энрике вздохнул, разводя руками:

– Конечно. Просто жаль, что вы терпите такие неудобства. Особенно когда можно решить все сразу, – он сделал паузу, изучая лицо Абдуллы. – Шафран, да? И мирра, если я не ошибаюсь.

Абдулла не ответил.

Староста прищурился, его взгляд скользнул по тюкам, словно он пытался увидеть их содержимое сквозь ткань.

– Понимаю, альмохады не одобряют бесконтрольную торговлю с нами, – продолжал он, снисходительно улыбаясь и выдерживая паузу. – Но здесь мы живем по своим правилам. И если вам нужно избавиться от товара быстро и выгодно... – он приблизился на шаг. – Я готов купить все. Сразу. По двойной цене. И об этом никто не узнает.

Заид и охрана напряглись. Абдулла оставался неподвижным, но его пальцы незаметно сжали рукоять джамбии.

– Щедрое предложение, дон Энрике, – произнес он и, подумав несколько секунд, добавил: – Мне нужно посоветоваться с людьми.

Староста наклонил голову, будто сочувствуя:

– Налоги растут, разбойники рыщут по дорогам... Зачем рисковать, если можно получить деньги здесь и сейчас? Завтра утром вы могли бы уже отправиться домой. С полными кошельками.

– Утром я дам ответ, – повторил Абдулла.

На мгновение в глазах дона Энрике мелькнуло что-то жесткое, но тут же исчезло. Он отступил, широко улыбаясь:

– Как скажете. Надеюсь, утро принесет вам мудрость, – он повернулся к своим людям. – Оставьте их. Пусть отдохнут.

Староста ушел. Вместе с ним ушли и селяне. Когда их шаги затихли, Абдулла и Заид переглянулись.

– Он знал, что мы везем, – тихо сказал Заид.

Абдулла кивнул:

– По крайней мере, догадывался.

Мулы внезапно насторожили уши. Откуда-то издали, сквозь шум ветра, донеслось приглушенное, похожее на церковное, пение, которое прекратилось так же внезапно, как и началось. Абдулла провел пальцами по четкам, вспоминая из Корана: «Они замышляют хитрость, и Я замышляю хитрость (для утверждения истины)»²². Эти слова всегда успокаивали его в моменты неопределенности.

– Слишком уж рьян он в своем интересе, – прошептал Абдулла, отойдя с Заидом подальше от костра. – К чему бы это...

Заид бросил взгляд в сторону тюков:

– Шафран – для красилен и лекарств. Мирра – для благовоний и бальзамирования. Воск – для свечей. Все это церквям нужно, но... – он понизил голос. – Я бы не рискнул торговать с зиммиями без разрешения.

Абдулла посмотрел в темноту, где за пляшущими тенями костра скрывалась ночь. Ему вспомнился отец в тот злосчастный день, когда альмохадские чиновники пришли в их дом в Тлемсене. «Ты торговал с зиммиями!» – кричал кади²³. Отец смиренно стоял перед ним и его охраной, не опуская взгляда: «Я не делал этого», – ответил он спокойно, но так твердо, что даже кади на миг замолчал. Было назначено разбирательство, после которого отцовскую лавку опечатали, повесив на двери деревянную табличку с печатью кади и установив десятидневный запрет на торговлю. Отцу пришлось оплатить большой штраф – и все из-за ложного доноса.

Абдулла помнил, как отец сказал ему: «Никогда не торгуй честью, сын. Деньги приходят и уходят, а мужское слово и имя остаются». Эти слова стали для Абдуллы законом.

²² Аят 15, 16 суры «Ат-Тарик», Коран.

²³ Кади – шариатский судья, судья-чиновник.

– Староста выглядит так, будто готов заплатить чем угодно, – вывел его из раздумий голос Заида. – Меня это настораживает.

Ветер внезапно усилился, раздувая пламя костра. В его порывах Абдулле почудился шепот отца, будто из самой ночи, из тех воспоминаний, где он еще был жив: «Будь осторожен, мой сын». Абдулла и после его смерти часто советовался с ним в своем воображении, особенно в трудные моменты. И сейчас этот голос показался ему настолько близким, будто возник не из памяти, а где-то совсем рядом.

– Уходим на рассвете, – сказал Абдулла тем же тоном, каким отец ответил кадию. – Лучше меньше прибыли, чем гнев эмира и наказание.

Заид кивнул:

– Берберы по очереди будут стоять на страже всю ночь.

Заид ушел к берберам, чтобы распределить дежурство, а Абдулла остался у костра. Тревога не покидала его. Он чувствовал: староста не просто так предлагал двойную цену. Для него это не просто торговая сделка, а что-то большее, но что – пока было не понятно...

Юсуф ворочался на жесткой циновке, бормоча сквозь сон. Ему снился визирь, гнавшийся за ним по залитому солнцем рынку Кордовы и выдыхающий проклятия. Юсуф почти убежал от него, но вдруг перед ним возник силуэт. Высокий, в темном плаще, с холодным взглядом. Староста Бенальонии. Он схватил Юсуфа за руку и назвал по имени. Мальчик вздрогнул и приоткрыл глаза. Остатки сна все еще клубились в голове, как дым от угасающего костра. Было темно. Тишина. Или нет? Шорох. Во сне? Или наяву? Юсуф замер и прислушался. Сначала он подумал, что это ветер, но звук повторился. Кто-то был за стеной.

– ...старосте нужен шафран... Не к добру это... – шептал чей-то детский голос.

Юсуф напрягся, затаив дыхание.

– Ты думаешь... Снова кто-нибудь пропадет? – продолжил голос совсем тихо.

– Тише! – прошипел второй. – Они услышат! – он на секунду замолчал, а потом добавил: – Не знаю... Но раз мусульмане здесь, хорошего не жди...

Голоса были детскими.

«Пропадет? – пронеслось в голове Юсуфа. Страх начал пробираться под кожу. – О чем они?»

– Нужно узнать точно, есть ли у них шафран, – шептал первый. – Староста сказал...

– Как мы узнаем? – перебил второй. – Они же охрану поставили. И тот высокий магрибиец не спит. Лучше сказать, что не смогли...

– Старосте это не понравится...

Голоса стихли, будто мальчишки испугались собственных слов. Юсуф едва слышал их тяжелое дыхание.

«Значит, староста все-таки не знает, что мы везем... – подумал Юсуф. – Подослал этих двоих узнать? Странно... Почему тогда хочет выкупить весь товар... Нужно обо всем рассказать Абдулле-сайиди. И что значит «снова кто-нибудь пропадет?»»

Сердце его забило чаще. Он вспомнил, как в кордовском дворце тоже использовали детей для шпионажа – маленькие уши слышат больше, чем кажется, и привлекают меньше внимания.

Мальчики зашептали снова, но на этот раз их слов было не разобрать, они отдалялись, голоса стали неразборчивыми, растворяясь в шорохах ночи. И тут другие шаги. Четкие, тяжелые. Кто-то приближался к амбару. Юсуф прикрыл глаза, когда в дверь амбара заглянул один из леонцев. Охранник осмотрел спящих и, удовлетворенный, снова вышел.

«Все-таки староста очень нуждается в шафране, раз подослал шпионов... Зачем ему столько? – Юсуф снова открыл глаза и прислушался. Шаги леонца затихли. – Если мы не уйдем на рассвете...»

Мысль оборвалась. Ветер снова донес то странное пение. Теперь ближе. Навязчивее. Юсуф сжал кулаки и вжался в циновку. Почему его трясет? Он же не мерз... Может, это дрожит воздух, а не он? Ветер завыл сильнее, и сквозь его порывы Юсуф расслышал в пении знакомые слова. Спина покрылась щетиной из мурашек, будто кто-то дыхнул на нее ледяным дыханием. Юсуф резко обернулся. Никого.

Он крепче сжал нож под одеялом. Этой ночью спать не придется.

Глава 7.

*Год 581 от хиджры, месяц Шаабан (ноябрь 1185 года от Рождества Христова).
Бенальония.*

Тьма медленно отступала. Небо на востоке бледнело.

Факелы трещали, выбрасывая в воздух снопы искр. Их свет резал темноту, дробил тени на клочья, делал лица караванщиков зыбкими, неуловимыми. Влажный воздух пах гарью и пробирал до костей.

Абдулла и его люди поднялись до рассвета. Вода была холодной, обжигала кожу, но они умылись, как того требовала религия, встали плечом к плечу и совершили коллективную молитву.

За их спинами чернел амбар, а в его распахнутых воротах темнота казалась особенно густой – глубокой, как пасть зверя.

Погонщики уже начали собирать вещи и укладывать тюки, когда со стороны Бенальонии раздался первый крик. Женский. Громкий. Раздирающий. Следом – другие. Кричали женщины. Громко. Снова и снова, срывая голос. Собачий лай, подхватываемый ветром, разносился по округе.

– Что там творится? – хрипло спросил Заид, всматриваясь в еще темный воздух.

Абдулла не знал, что ответить.

Крики не стихали, сливались в неразборчивый гул, срывались на визг. У тлеющих углей костра собрались все: Абдулла, Заид, Кабуш, берберы, леонцы, погонщики и Юсуф. Они молча смотрели в ночь, туда, в глубь Бенальонии, но видели лишь темноту да редкие огоньки, словно дрожащие звезды, опустившиеся на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.